

Борис Георгиев

КОСМОПРОХОДИМЦЫ

КСЕНОопера

Жнец. Швец. Игрёц

Борис Георгиев

Жнец. Швец. Игрёц

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18977558

ISBN 9785447488161

Аннотация

Ксеноопера «Жнец, Швец, Игрёц» – вторая книга дилогии «Космопроходимцы». Он не помнил, как стал Жнецом; ничего не осталось в памяти, кроме множества убийств. Смерть интересовала его исключительно с профессиональной точки зрения. Заказ, полученный на планете Террана, не выглядел интересным, пока не выяснилось, что жертвой должен стать он сам. Бессмертному убить себя, чтобы выжить и остаться бессмертным? Вот задачка для истинного ценителя! С чем придётся расстаться ради любви к искусству убивать?

Содержание

Жнец	5
Первый сноп	5
Второй сноп	16
Третий сноп	25
Четвёртый сноп	34
Пятый сноп	43
Шестой сноп	53
Седьмой сноп	62
Восьмой сноп	71
Девятый сноп	83
Десятый сноп	93
Одиннадцатый сноп	102
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Жнец. Швец. Игрец

Борис Георгиев

*Жить? Наши слуги сделают это за нас.
«Аксель», Вилье де Лиль-Адан*

Иллюстратор Борис Гончарук

Дизайнер обложки Борис Гончарук

© Борис Георгиев, 2018

© Борис Гончарук, иллюстрации, 2018

© Борис Гончарук, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-8816-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жнец

Первый сноп

Толстый Олаф, сложив руки на животе, ждал. Вздыхал, сипел горлом, поглядывал то на яично-жёлтые облака в амбразуре окна, то на старика Антониадиса, копошившегося на палубе «Электры». Сорокафутовая моторная яхта на стапеле напоминала крупного белого жука – покатый бок борта, палуба точно сложенные полосатые надкрылья, носовые рейлинги, как блестящие усы – а Спиридон Антониадис похож на пожилого озабоченного муравья. Он крепил стропы крана, бормотал что-то, не пойми что. Не слышно, ветер. Врываясь в ангар через зев грузовых ворот, ветер, пока ещё прохладный, раскачивал стропы крана, посвистывал в снастях, раздувал старикову чёрную куртку, пытался сорвать. Спиро не обращал внимания на такие мелочи, возился с крюками, ветру подставляя спину. Широкие чёрные штанины пиратских штанов хлопали как флаги. «Это ещё не ветер, а так, сонный бздёх, – подумал Олаф, – То ли ещё будет. Самое начало сезона ветров».

– Несёт тебя хрен, старого дурака, на рифы в такую погоду, – сказал он.

– Что? – крикнул Антониадис, не повернув головы. – Сей-

час! Две минуты!

– Болван тугоухий.

Олаф, ворча как пёс, спустился по стальным ступеням с помоста у кабины крановщика, и подошёл ближе. Ветер накинудся на него, словно хотел выдрать из головы волосы. «Опять продует», – подумал Олаф, откашлялся и позвал в полный голос:

– Спиро!

Курчавая, цвета перца с солью, голова старика показалась над бортом. Волосы как стальная проволока, всё им нипочём.

– Чего... тебе?! – слегка задыхаясь, крикнул Антониадис. – Я... сейчас! Две минуты!

– За смертью торопишься?! Прижмёт тебя к рифу приливом, шлёпнет, как сырое яйцо об сковородку, шкарлупок не останется.

– Останется, – буркнул Антониадис. По всему видать, опять собрался скрыться с глаз. Олафу стало жаль глупого старика. Ну чушь ведь несусветная: какие-то трёпаные туристы видели на трижды трёпаном рифе в кораллитовых наносах обломки тридцать раз по три раза трёпаной браконьерской калоши. Кто сказал, что браконьерской? Кто сказал, что это остатки «Бродяги»? Кто сказал, что на «Бродяге» уходил Счастливчик Боб? Кто сказал старику, что Счастливчик Боб и сын его, Ираклий Антониадис, одно и то же лицо? Слухи, слухи...

– Постой! – Олаф протянул руку, словно бы желая поймать старика за шиворот. – Куда? Ты что, на «маячок» надеешься? Учти, спасать тебя никто не будет. Никому ты нахрен даром не нужен и за бабки тоже не нужен... Да! И ведь за кран двойная такса не только чтоб плюхнуть на воду! Чтоб вытянуть – тоже! Нет, ты как хочешь, но это же самому под своим приговором расписаться! Сезон ветров только начался. Никто из-за тебя не полезет на рога Альраи. Зачем? Головоногим на завтрак? Слышал, туристы не все вернулись? Одного, говорят, не досчитались по ходу дела. Никто толком не знает, что на рифе творится.

– Там мой сын, – спокойно ответил Спиро. Хотел вернуться к своим крюкам, но задержался. Свесился с борта, сказал:

– Тебе-то что? За кран я дал вдвое, вернусь – за подъём дам тоже. Не вернусь – ну так о чём тогда разговор? На кране выйдет экономия и на похоронах, если шлёпнет меня об скалы. Без спасателей обойдусь как-нибудь. А головоногие...

Старик выпрямился, держась обеими руками за сияющий поручень, глянул туда, где у тыльной стены ангара, рядом с рельсами аппарели стояла жена Счастливого Боба. Ждала. Побавалась Антониадиса – сумасшедшего старца, но всё-таки пришла проводить – из-за Эммануила. Сын Счастливого Боба – четырёхлетний заморыш – жался к её коленям. Деда он не боялся, но от противного толстяка в мундире сержанта береговой охраны решил держаться подале.

– Головоногий если встретится, – во весь голос продолжил Спиридон Антониадис, – я ему сначала забью весло в глотку, а потом завяжу узлом щупальца, чтоб не выплюнул.

Хорохорился. Для мальчика сказал.

Толстый Олаф неприязненно оглянулся на женщину. Шлюха. Понятно, кто всё время свистит сумасшедшему старику в уши, что Счастливчик Боб и есть пропавший без вести Ираклий Антониадис. Решила, если нет у сына отца, пусть будет хотя бы дед. Так ведь не будет и деда! Олаф, повернувшись снова к старому дурню, выговорил со сдержанной злобою:

– Весло твоё головоногому только приправа к завтраку. Говорю тебе: хватит безумствовать, деньги за спуск на воду я тебе верну. Снимай крюки, затолкаем обратно «Электру»...

– Сейчас. Последний остался, – ответил Спиро и скрылся с глаз.

Через полминуты он появился на корме, спустился по лесенке, неуклюже спрыгнул на рельсы. «Сейчас! – крикнул. – Две минуты! С внуком проститься!» «Глаза б мои не смотрели», – подумал Олаф и отвернулся. Руки сложил за спиной, стал крутить пальцами, думая о нелепой судьбе Спиридона Антониадиса. Спиро называли стариком, хоть был он не так чтоб совсем старец – пятьдесят с гаком. Просто колония молода, стариками ещё не обзавелась, население – всё больше юнцы желторотые, попавшие по глупости на каторгу, отработавшие положенный срок на шахте, освободивши-

еся, но кредита в «Гэлекси» на обратную дорогу не имевшие. Почему и осели на побережье в рыбацких поселениях. Эти когда ещё постареют. Если вообще постареют. Кто без вести пропадёт, промышляя честным ловом или браконьерством, кто смоеется с планеты Террана в какое-нибудь более пригодное для обитания место, когда вопреки всему зарабатывает на обратный билет. Есть ещё охрана, но в охрану стариков не берут, а вольным наймом ни один нормальный землянин работать на Терране не согласится. Есть, правда, туристы... Олаф глянул на Антониадиса, покачал головой, отвернулся. Вот как этот. На Террану попал туристом – по низшему разряду. Взял эконо-класс. Говорят, всё, что имел, ради этого продал. Какой-то мерзавец из бывших каторжан, вернувшись на Землю, развонил, что видел-де пропавшего без вести Ираклия Антониадиса на Терране. У бедолаги Спиро и до того мозги были слегка набекрень от пропажи драгоценного сыночка, а когда услышал такое, и вовсе рассудком двинулся. Всё добро спустил, кинулся на Террану, как в чёрную дыру. Тут ему хотели прочистить мозги – упекли за мелкую глупость на перевоспитание в ледяную шахту, как заведено. С полоумными туристами всегда так поступают, независимо от возраста. И правильно. Проскрипишь пару терранских лет во льду на глубине в пару километров, будешь потом внимательнее к местным законам, но Спиро – особый случай. Наверняка специально полез на рожон, чтоб на Терране оставили. «Специально нарывался, нарочно, – ворчал, крутя

пальцами за спиной, Толстый Олаф, – чтоб среди каторжан отыскать этого своего. Ненормальный псих. Можно ли так найти кого-нибудь?» Спиро всё-таки нашёл. Но подходящий по описанию каторжанин к тому времени два года уже как отсидел, освобожден и подался в рыбаки. Тогда Спиро стал просить о досрочном освобождении, только кто ж выпустит, если бабок у него на счету ноль целых хрен десятых? Куда он потом такой удачливый денется? Он нашёл куда деться. Отработав законные свои полгода, получил от руководства предложение остаться на шахте вольнонаёмным – за харчи и кров. Отказался. Каким-то чудом возник на океаническом побережье – должно быть, помогли ему контрабандисты, – стал промышлять рыбной ловлей и собирать сведения о бывшем каторжнике, похожем на Ираклия Антониадиса. Выяснил, что тот браконьерствовал. То тут его видели, то там. Связался, говорят, с женщиной по имени Ксения. Жила она с ним или не жила – точно не известно, однако прижила сына. И больше не от кого, потому как с подружкой Счастливица Боба кто ж на свою голову якшаться станет? Как бы то ни было, Спиро Антониадис невестку признал своею, во внучке не чаял души, хоть говорили ему умные люди: ну какой он тебе внук? Глаза голубые, волосы... Волосы у юного Эммануила были – чистый лён. В кого, если беспутный Ираклий черняв и кучеряв, баба его, Ксения, тоже, да и у Спиро не волосы на голове, а стальная проволока. Каковы у Счастливица Боба волосы, не знал никто, тот по обычаю каторжников

и прочего сброда брился наголо, но если признать, что мальчонка у Ксении от него, так должны быть светлыми. В глаза ему как-то не особенно заглядывали, а кто заглядывал, те помалкивали – вот как Ксения. Ни светлые волосы, ни голубые глаза Спирос не смущали. Когда кто-нибудь лез к нему с подобными глупостями, он отвечал, что голубые глаза и светлые волосы у греков – обычное дело, а кому это не нравится, тот пусть дожждётся возвращения Ираклия и его расспросит про глаза и волосы Эммануила. Никто не верил, что Счастливчик Боб вернётся – три терранских года немалый срок для утопленника, – мало кто верил, что он приходится полонумному старику сыном, однако вопросы Спиридону Антониадису задавать перестали. Привыкли. Занимался ли Спирос честным ловом или браконьерствовал понемногу, водился ли с контрабандистами, завозившими на планету запрещённые вещества и механизмы, кому какое дело? Стал человек на ноги, и ладно. Приобрёл «Электру», моторную яхту, каких на Терране мало, и слава Бозу. Помогает Ксении? Пускай, лишь бы нам жить не мешал. Считает Эммануила внуком? Да ради Боза, пусть у малолетнего пирата будет хотя бы дед, если нет отца. «И ладно бы, – шептал, шевеля толстыми губами Толстый Олаф. – Но жалко ведь старичину, а главное – угробит зазря такую яхту...»

– Ну, чего заснул?! – скрипнул над ухом у сержанта береговой охраны стариков голос.

Олаф подскочил от неожиданности, глянул снизу вверх.

Антониадис успел взойти на борт, прощание закончено.

– Лоханку зря угробишь, – неуверенно и не слишком громко проговорил Олаф.

Старик расслышал.

– Плевать на неё. Дурак ты, Олаф. Ну ничего, ум – дело наживное. Давай меня на воду.

– К чёрту тебя, – злился Толстый Олаф, поднимаясь в кабину крана.

– К Альраи на рога твою яхту, – ворчал он, ворочая джойстиком и наблюдая, как стометровая решётчатая лапа плавным разворотом уносит белое тельце. Старика на палубе не было, видать укрылся в каюте, а то и привязал себя ремнями к койке.

– На ветер тебя, – шептал Олаф, следя, чтоб не слишком быстро разматывался углеволоконный двухсотметровый трос. Хоть ветер и ровный, а всё равно, – не опрокинулась бы скорлупка. Штраф платить не хотелось.

– Есть приводнение! – заорал он и ткнул в клавишу отстрела строп.

«Электра» запрыгала на воде, как поплавок. Олаф перевёл дух, отирая лоб рукавом. Другой рукой машинально ворочал джойстиком – стрелу возвращал на место и сматывал трос. Это ещё ничего – ставить на воду. С воды подхватывать – вот что по-настоящему пакостное занятие. Семь потов сойдёт и десять кило живого веса.

– Чтоб тебя головоногие съели, вздорный старикашка! –

с чувством выговорил Олаф. Мячиком выкатился из кабины и ссыпался с лестницы, грохоча подошвами неудобных уставных башмаков. Вроде всё в порядке, яхту спустил на воду, ворота закрыл, проклятуший ветер не рвётся больше в помещение. Откуда досада? Почему не улеглась, и даже на оборот...

– Ну! Что? – спрашивала, подступив ближе к господину сержанту, Ксения. – Поставил на воду?

Белобрысого малолетнего пирата видно не было, где-то спрятался. Неожиданно для самого себя Олаф заорал:

– Что, рада?! Отправила сумасшедшего в плаванье?! Сначала одного, теперь другого!

«Что это я? – подумал он. – Какое мне дело до шлюхи?»

– Он сам, – глядя в сторону, ответила Ксения. – Он сына ищет, как вы все не понимаете?

– Сына?! – петушиным криком выкрикнул Олаф – Откуда ты знаешь, что твой хахаль ему сын?! Откуда ты знаешь, что...

– Человек ты или нет, Олаф? Здесь Эми.

Толстый Олаф и сам понимал, что порет горячку, но удержаться уже не мог, кричал:

– Откуда ты знаешь, что твой Эми ему внук?!

Его ударили под колено, потом потянули за штанину. От неожиданности чуть не упал, взмахнул руками, глянул вниз. Рядом со своим животом обнаружил белобрысую головешку. Малолетний Эммануил, как оказалось, был рядом –

прятался за мамкиной юбкой.

– Эми! – прикрикнула Ксения.

Олаф хотел попросить, чтоб оттащила чертёнка, но не успел.

– Ох! – сказал перехваченным голосом.

Его согнуло от боли, он попытался вдохнуть, но не смог.

– Эми! Ты что наделал?! – Ксения схватила мелкого негодника за руку, он пищал: «Ты, чудище головоногое! Я его внук! Я тебе весло забью в глотку!» Отпрыск каторжника от злости не все буквы выговаривал хорошо, получалось у него: «Ты, тюдисе голововногое! Иговнук! Тибе исло собью в глотку!» – тем не менее, Толстый Олаф его понял. Он пучил глаза, пытался продышаться. Ксения, опасаясь, что Эми приведёт угрозу в исполнение немедленно, отобрала у него палку от швабры и потащила сына прочь, воспитывая на ходу. На Олафа даже не оглянулась. Тот охал и постанывал: «Чёрт подери... этих... Антониадисов. Яблочко... от яблоньки». Доплелся до лестницы, добрался до остеклённой кабины крановщика, плюхнулся в кресло. Стал прикидывать: надо ли писать рапорт по факту нападения на служащего при исполнении обязанностей? Решил – нет. Если история станет достоянием гласности, над ним, сержантом береговой охраны, будут смеяться, а обидчику ничего не будет – слишком мал, чтоб отправить в шахту.

– На рога Альраи этих Антониадисов, всех троих, – сказал Олаф.

Из кабины крановщика волны казались лёгкой рябью. Буряя спина терранского океана поднималась на востоке горбом. «Электра» боролась с приливным течением – её сносило, она упрямо продвигалась на юг, раскачиваясь, как севшая на воду чайка. Над водным холмом торчали из оранжевой облачной пены острые кончики рогов Альраи, увенчанные пламенной короной протуберанцев.

Второй сноп

Туристам эконом-класса на верхней палубе плавучей гостиницы делать нечего. Клиент высшего разряда должен быть совершенно уверен, что деньги брошены на ветер недаром: никакой унылый нищесбор не осквернит своей персоной гостиную и лаунж-бар, не окажется ненароком в соседнем шезлонге, не полезет в бассейн и не испортит приличным людям аппетит громким чавканьем. Клиент должен знать, что если кто-то на верхней палубе пользуется вместо пепельницы цветочным горшком, кричит бармену «эй, командир!» пристаёт к дамам с предложениями и устраивает заплыв, не сняв верхней одежды и обуви, так он это делает по праву рождения или, по крайней мере, не бесплатно.

У Роберта Корка, зрителя, пропуск на верхнюю палубу был, и это значит, что он присутствовал в баре на законных основаниях. Иосиф Циммерман, турист эконом-класса, пропуска на верхнюю палубу не имел, однако же выставить его с позором было некому – ни на верхней, ни на прочих палубах, равно как и в служебных помещениях, никого больше не было. Не плескались в бассейнах малые дети, взрослые дети и дети преклонных годов, не поджаривались в лучах Альраи слегка одетые красотки, не прохаживались с видом отважных путешественников утомлённые бездельем менеджеры всех уровней. Пуста гостиница-поплавок, не сезон.

– Со льдом тебе? – спросил Корк, выставляя на стойку один за другим два стакана.

– Я не пью, – с перепойной натугой сообщил Циммерман. Помедлив, начертав вялой рукой в пространстве какой-то тайный знак.

– А что здесь ещё делать? – спросил Корк и нырнул в холодильник.

Циммерман нахмурился, уронил руку, обдумывая вопрос, но так ничего и не придумал. Смотрителю виднее. Если считает, что кроме выпивки больше в плавучей гостинице заняться нечем – хочешь или не хочешь, а надо пить. И потом, как отказать спасителю? С неделю тому назад, когда на востоке предвестником появления рогов Альраи лез прямо из океана грязно-бурый пузырь – Боз, Роберт снял Иосифа с кораллитового островка. Теперь над той скалой было метров десять воды – здорово прилив работал. На вполне естественный вопрос смотрителя: что Иосиф делает на рифе Надежды в такое время года, – тот ответил: «загораю». Как ни глупо, сказал чистую правду – загорать, лёжа на разогретом кораллитовом песочке, можно только днём – тридцать земных суток, остальные двести семьдесят там терранская светлая ночь. Впрочем, как смог убедиться Иосиф, и днём на пляжах рифа Надежды могут загорать одни только рыбы и, если верить байкам смотрителя, головоногие гады, да ещё сам смотритель поставленной на мёртвый якорь гостиницы.

Гостиница! Одно название чего стоит: «Ковчег» види-

те ли. А издали больше похожа на белый парадный гроб. В сезон ветров туристам любого класса запрещено там оставаться, поскольку сообщения с материком в это время нет. Визы администрация терранской колонии гуманоидов выдаёт с таким расчётом, чтоб туристы убрались с планеты до того, как газовый гигант Боз станет устраивать с местным океаном фокусы. Терранский закон суров, нарушителям визового режима – полгода каторжных работ. Желających потрудиться в ледяных шахтах на благо колонии обычно негусто.

Кислые размышления Иосифа Циммермана прервал Роберт:

– Ну что, каторжанин, накатим? – спросил он, таща два стакана.

Лёд звякал о тонкие стеклянные стенки, стаканы раскачивались, потому что зритель был хром на правую ногу.

– Не надоела тебе эта дурацкая шутка, Боб? – мотая головой, как лошадь, спросил полупьяный Иосиф. На спасителя смотрел снизу вверх – Роберт ростом был высок, и если не ерошил притолокой волосы, то потому лишь, что лыс, как бильярдный шар. А может, и начисто выбрит, не разберёшь.

– А я не шучу, – в очередной раз ответил Корк. – Виза кончилась трое суток тому, полгода тебе ломится, Ёся, если не будешь слушаться старших. На вот, запей такое дело.

Стеклянные донца стукнули об лакированную поверхность, льдинки со звяком толкнулись об стаканые стенки, запрыгали в жидкости, как сползшие в терранский океан айс-

берги. Иосиф принял стакан, стал разглядывать его на про-свет, словно бы взвешивая: выпить или вылить?

– Ну, за осушение. И чтоб сдохли головоногие гады все до единого, – с чувством выговорил Роберт. Стал цедить виски мелкими глотками, на Циммермана смотрел пристально, поверх стакана и сквозь.

Тот приложился, не допил. Сипло спросил:

– Что они тебе... сделали?

– Они всем нам сделали, – Роберт поставил стакан и стал грузить обычную программу про акуанов, которые не дают спокойно жить терранской колонии. Рыбу, мол, воруют и паскудят сети, это раз. Но это ладно, рыбаки друг у друга тоже. Нападают на лодки, это два. В живых после такого нападения мало кто остаётся, потому что в воде человеку от головоногого отбиться – нечего думать. Гиблое дело. Говорят, при случае они и с лодки подцепить могут, но предпочитают сначала перевернуть, а после уже собирать в воде утопленников и тех, кто ещё барахтается. В этом году совсем охамели: ходят слухи, что при высоком приливе подбираются к набережным. Если дать им время, точно подберутся, потому что прилив с каждым терранским годом всё выше и выше. А кто виноват? Обратно они.

– Они, они, я знаю, – кивая, говорил Роберт. Циммермана разглядывал, как головоногого гада.

Иосиф хихикнул, тупо глядя ему в переносицу, и спросил:

– Они тут причём?

– Ты чего не допил? – вместо ответа осведомился Корк. – А ну, давай до дна за осушение. Давай-давай, Ёся.

Иосиф с удивлением заметил, что в стакане Роберта опять не осталось ничего, кроме тающей льдинки.

– Ты по осушению спец, – заметил он. Думал при этом: «Пьёт, как воду льёт. Может он себе воду, а мне... Зачем? Всемиловый Случай, ну я и нагрузился. Руки не слушаются, морда деревянная. Как я его поддел, а?! Спец по осушению. Каламбур. Ведь и правда спец, если не врёт. Оратор-мелиоратор. Вот опять понёс – за рыбу гроши».

Роберт Корк про осушение мог говорить часами, хоть пьяный, хоть трезвый. Про то, как замечательно прижились кораллитовые полипы, привезенные контрабандой с какой-то там по счёту планеты эпсилон Эридана, и как быстро размножаются да как быстро растёт риф. Про то, что если бы пакостные головоногие не натравливали полчища моллюсков-силикофагов, уже давно вершины хребта виднелись бы даже при самом высоком приливе. Однако он, Боб Корк, нашёл управу и на моллюсков, и на головоногих мерзавцев – те и другие не выносят ультразвук определённой частоты. Так вот, в этом сезоне он, Боб Корк, расставил пугалки, и теперь...

– Теперь мы посмотрим, – говорил Боб. Синие прозрачные глаза его были холоднее терранского льда. Ни хмеля в них заметно не было, ни жалости к тем, на кого ставил ультразвуковые пушки.

«И правильно ставил, – лениво раздумывал Иосиф. – Не будь этих треклятых пугалок, ради чего бы он попёрся на скалы? Не попросишь он на скалы, так я и загорал бы сейчас в шести милях отсюда и в шестидесяти от берега. Сначала по щиколотку в воде, потом по пояс, потом по шею, потом... Зараза, вискарик закончился. Попросить, чтоб плеснул ещё? Развезло меня. А ему хоть бы хны. Из нержавеющей стали он что ли, от пяток и до лысины? Странный мужик». Смотритель был мужиком странным, и, пожалуй, страшноватым. Начать с того, что имён у него было несколько. В административных документах числился Робертом Корком, смотрителем гостиницы «Ковчег». По радио – Иосиф сам слышал, – кто-то именовал его Ноем, что не так уж и странно, если принять во внимание пристрастие Роберта к мрачным прогнозам. Сам себя часто называл главным мелиоратором, должно быть в шутку. Однажды – очень странно! – когда Ёся без всякой задней мысли обозвал Корка счастливым, тот заметно изменился в лице, а потом, подпоив Циммермана, стал выяснять, откуда тому известно прозвище Счастливым. После этого случая взялся регулярно накачивать гостя спиртным и вести по пьяни странные беседы – слишком откровенные для человека, живущего тройной жизнью. Такие вещи рассказывал, будто его ничуть не заботило, что Циммерман донесёт администрации про контрабанду кораллитовых полипов и осушительную возню на рифе. Притом всё время наблюдал за поддавшим собеседником, а сам пил не пьянея.

Очень странно и даже страшно, но куда деваться бедному туристу из плавучей гостиницы? Сообщения с материком нет, радиорубка заперта, а когда не заперта – там Роберт. И этот самый Роберт всё время убеждает, что возвращаться на материк Циммерману ни к чему, ибо плачет по нему ледяная шахта, а если Циммерман будет слушаться старших, то, может быть, отделается лёгким испугом. А ежели Циммерман останется и реально поможет мелиорации, то срок ему, конечно, скостят, потому что победителей не судят. В том же случае, если хороший парень Циммерман героически вступит в справедливую войну с головоногими тварями и зарекомендует себя хорошо, его представят к терранской награде... «Посмертно», – думал весёлый парень Ёся Циммерман, пробуя как-нибудь незаметно вылить виски под стол, однако это ему не всегда удавалось. Он старался не впадать в уныние и страху не поддаваться, но временами природная подозрительность заставляла его усомниться: а случайно ли получилось, что он отстал от группы и застрял на рифе? Проклятая мнительность! Нелепо думать так о спасителе, попахивает чёрной неблагодарностью. Хороший же какой человек! Мечтатель!

– Одну боевую субмарину, – мечтал Роберт Корк, думая, что довёл гостя до нужной кондиции. – Всего одну, слышишь, Ёся? В кредит. Чтоб грузовиком притаранили и сбросили прямо здесь, у рифа. Ты слышал про жёлтый гейзер? Кредит бы тогда погасили сразу, если жёлтый гейзер не вра-

ки, и ещё с десятков субмарин прикупили с полным боезапасом. И тогда показали бы этим гадам, где моллюски ночуют. Ёся!.. А, ты уже не слышишь.

Иосиф слышал, но виду не подал.

– Слабак, – негромко проворчал Роберт. – Толку от тебя...

Слабак Циммермана голову уронил на руки. В ушах шумело, однако слушал внимательно. Привыкший к вынужденному одиночеству зритель рассуждал вслух. Пряча стаканы, бурчал: «Интеллигенты... Слюнтяи один к одному... Слизни... Этот тоже: слышал, говорит, что акуаны разумны... Можно ли их?.. Разумны! Креветки. Ха!.. Если ты такой разумный, постарайся быть несъедобным. Хорошо бы они оказались совершенно безмозглыми, так ведь нет. Умные сволочи. Слейтер, ил ему пухом, рассказывал... Язык у них, говорил. Песни даже. Я, говорил, немножко умею поихнему. И что? Помогло это Слейтеру?.. Головоногие болтливые задницы. Ничего. Поднимем риф... Кстати, да. Пора бы вешку сбросить. Груз на подходе. Вот прямо сейчас, пока этот в ауте».

Хлопнула дверь.

Иосиф приоткрыл глаза, осторожно поднял голову. «Всё плывёт. Опять напоил, чтоб его в море смыло. Руки ватные и ноги. Но жить можно. Можно даже попробовать встать. Интересно, что такое вешка и что за груз на подходе? С материка нету сейчас доставки. Откуда груз?.. Ох!»

Иосиф покачнулся, схватился за стол. «Как при штор-

ме. Но это не шторм, нет. Якорный канат натянут. Следит за этим всякая киб... автоматика. Плавающий гроб не рыс... скает, развёрнут по ветру, режет воду. Приливное течение ровное. Мелкая волна... этакую громаду даже не шевельнёт. Просто я набрался сверх меры. Голова кру...»

Пол трягнуло. Иосиф выпустил край стола, его бросило к стенке. От удара – дверь нараспашку. В бар внесло свист и странный клёкот. Потом крик.

Иосиф спяну не сразу понял – кричит человек. Дико, как от смертного ужаса. «На Боба напали? Звуки знакомые, так свистел и клекотал этот, как его... Откуда на Терране? Бежать туда. Корк болван. Не орать надо, а...» Циммерман метнулся к двери, но и трёх шагов не сделал... «Опять там крик. Ничего человеческого...» Хмель слетел с Иосифа мигом, он выскочил на палубу, огляделся. Увидел – помочь бедняге нельзя ничем, можно только спастись.

Третий сноп

Бескрайняя Нэри обнимала его, нежила, баюкала, как áти баюкает в мантии первых своих клáнир, словно бы шептала струйчато, шорохом водорослей: «Утешься нереáн, всё проходит» – но Акиле клáни Нумс успокоиться не мог. Желчь, растворённая в крови, жгла сердца, уничтожая разумные мысли, как Нэри смывает горы, обращая их в кел. Акиле, паря в пяти или шести вéнах от роскошных садовых прядей Мйсы, над илистыми впадинами и синими холмами, свежей прелести нереанского утра не замечал. Стайки розовых мотыльков не радовали его, не трогали душу и не тревожили áскаска. Гнев заглушает голод и способен лишить разума даже самого стойкого áтрана.

– Эй áтран! – напоминал себе Акиле, сбавлял ход. Ненадолго. Жажда мести снова заполняла душу, снова желчь подступала к сердцам, толчки могучих мышц мантии вновь становились резкими. Если б попался Акиле в этот миг ненавистный келеáн, топил бы его, душил бы медленно, а после, насмотревшись на мерзкие конвульсии сухопутника, перекусил бы пополам, чтоб потоком хлынула тёплая кровь, чтоб смешалась с водой и приятным вкусом порадовала áскаска. Ненавистные келейр, сухопутники, гнусные строители гор. Гэнзу келейр...

– Эй áтран! – снова напомнил себе Акиле: «Я жрец!»

Жрец не имеет права на гнев, когда народу угрожает гибель, жрец должен пройти по кромке воды, говоря Вышнему слово, и одной силою слова опрокинуть Проклятые горы в бездну. Призвать Уборщиков...

– Ахн! – с водой раздражённо выплюнул Акиле клáni Нумс. Уборщиков призывал уже, бесполезно. К горам не идут, как ни заклинай; гнусный келеán оградил подножия Стеной Боли, на отрогах посадил несцáтлаз – бессонных убийц, и теперь никто не смеет приблизиться к предгорным долинам, даже атран Айса Вышнего. Что же будет, когда придёт время алцерáминз? Не сойтись нереáну с нереáной в прекрасных предгорных пещерах, не сплестись, творя áминз, не произвести на славу великой Нерèи новое поколение Нерейр... И народ сгинет.

– Ахн! Нахн! – Акиле плевался водой, рывками продвигаясь в глубины, куда не дозволено было спускаться никому, кроме потомков Нумы. Только они знали, как обращаться к Вышнему. Знали слова. Только они, тщательно охраняя истину от непосвящённых, помнили, что слов недостаточно. Если зовёшь Ати-Айсис без великой любви, она не приходит. Если Апа-Айсис отдаёшься без самоотречения, он не примет. Если взываешь к Цáтмелх-Айсис, не пылая праведным гневом... Он придёт, но цат его падёт на тебя самого, не найдя цели.

Акиле клáni Нумс пылал гневом, сгинуть был готов под цáтом, лишь бы утащить с собой в гинзу проклятого келеána.

Он хорошо запомнил его запах, узнал бы даже в мутной горной воде. Много раз представлял, как расправится с негодяем, если подстережёт у подножия гор и если тот по странному обычаю келейр ползет в воду и станет нелепо сучить слабосильными венйр у самой кромки воды, оскорбляя непристойными движениями великую Нэри. Келеан оказался хитрее – посадил на отрогах гор своих насцатлаз. Теплокровный убийца. «Алнес цуа, келеан», – думал Акиле, приближайся к святилищу Вышнего. Время не терпит, Айс восходит над лоном Нэри, теплеют течения, скоро заиграет в крови нерейр аминз, и тогда их не удержишь – погибнут у Стены Боли или обезумев выбросятся на безводные горные склоны. Ничего более не оставалось жрецу – только на Цатмелх-Айсис надежда. Разве не благородная цель – известить врага народа, подцат пустить его бессонную стражу и смешать Проклятые горы с келом? Нет, Цатмелх мудр, он возьмёт келеана и не тронет благородного Акиле клани Нумс, атранис Нерейр.

Движения жреца стали плавными не только потому, что вода на такой глубине непослушна, – тёмный тёплый свет храма настроил его на торжественный лад. Он поплыл вдоль купольного навершия, опустился к алтарному проёму, привычно восхитившись – повсюду ил, а дно вокруг святилища чисто. Он расслабил маквэнас, обвил колонны рабочими щупальцами. Зулеивена и зупрхвена протянул во всю длину, чтобы легли на тёплую зеркальную гладь алтарной плиты. Как учил апа Нума, к биению сердец прислушался, считая:

«Зу... Зал... Ци... Зу... Зал...» – и сердца послушно вошли в ритм Великой Триады. «Атиапамёлхатиапамёлх...» – гудел без голоса, одним а́скас, жрец. В мозгу родился тёплый шарик зрения атрани́р, стал шириться, и когда жрец увидел ворота Великой Триады, он запел:

Алкацр, Айсэ, зúлеивена!

Айс амáлпан кацр.

Алкацр Айсэ зúпхрвена!

Айс амáлпну кацр.

Ка́пит Айси а́травенис

Алик э́йле аскс!..

Он пел, не замечая, что маквэнас названных шупалец присасываются к алтарной плите. Он перестал видеть. Ему казалось, тела у него нет, есть обнажённая душа, приникшая к алтарю зрением атрани́р. Вместо плиты перед ним открылся вход святилища. Страх перед Цáтмелхес прошёл, гнев ударял поочерёдно в каждое сердце Акиле клáни Нумс: «Зу!.. Зал!.. Ци!..» – ему мерещилось, он чувствует мерзкий запах врага, ищет его и вот-вот найдёт. Ему казалось, он сам цат и сам целится собою в ненавистного келеáна. В тот миг, когда он готов был ударить, свершилось – на зов явился Цáтмелх.

Холод...

Собиратель осознал себя, установил степень готовности – дрёма.

– Жнец! – послышалось ему, он понял: пришёл вызов.

Он сфокусировался в нужной части спектра, проверил входной поток, установил – вызов действителен, санкционирован, верен. Это не огорчило его и не обрадовало: Собиратель системы пересадочных станций бесстрастен. Он прочёл из сектора, где содержался загрузчик личности, сетевые координаты, установил местоположение и условия работы: конечная станция, доступ ограничен, только для бестельников высшего ментального класса, уровень секретности – чрезвычайный. Станция оборудована депозитарием средней вместимости, места для полной конденсации личности достаточно. Он проверил защиту – работала нормально; сосредоточился на процессе самосборки и завершил его успешно. Собиратель засекреченной конечной станции был готов к выполнению заказа.

Прежде всего он обследовал источник вызова и установил, что доступ осуществлён посредством внешнего портала, вызывают Жнеца, следовательно, сборку можно начать без проверки прав клиента – Жнец разберётся сам. Собиратель разослал по сети депозитариев циркулярный запрос компонентов личности, собрал отклики, оценил объём работы, отвёл место и начал сборку.

«Я, – подумал Жнец. – Снова я. Где я?.. Это депозитарий.

Я помню, его называли...» Пустота, провал памяти. Как его называли?

Собиратель подключал блоки по мере поступления. Фрагменты массивной личности Жнеца хранились в тысячах тысяч депозитариев сети пересадочных станций вовсе не потому, что для хранения в одной депозитарии не хватило бы места. Никто не должен знать, что в сети живёт Жнец. Таков закон, установленный Учредителем.

«Где меня выбросило? Как всегда, неизвестно. Не всё ли равно? Какой-то депозитарий. Мы называли его... Вспомнил. Мы называли его мозгариумом. В шутку. Это шутка такая. Должно быть смешно, но мне не смешно. Почему?.. Не помню. Кто меня звал? Кто меня собирает? Я знал его раньше. Я называл его...» Собирателю безразлично, кого он собирает: Жнец, Строитель, Учредитель... В разобранном виде они ничто, в собранном виде они не здесь, а в мире. «Тесно, – думал Жнец. – И душно. И этот рядом. Вспомнил. Я называл его мозгляком. В шутку. Это такая шутка. Мне не смешно... Да. Мне не смешно, потому что бессмертные не смеются. Я условно бессмертен. Почему условно? Почему я ничего не могу вспомнить? Это так неудобно». Жнец транспонировал память так, чтобы высвободить место для размышлений, сопоставил известные факты и понял, почему так странно работает мышление – он не полностью собран. Мозгляк рядом – Сборщик. Когда он закончит сборку, память заработает нормально. И тогда можно будет посмот-

реть, кто там в мире. «Кто меня вызвал? – думал Жнец. – Надо будет узнать. Но сначала вспомнить, почему я бессмертен условно. Если условие моего бессмертия не будет выполнено, я погибну. Плохо это или хорошо? Когда-то я точно знал хорошо это или плохо, но теперь не помню. Возможно, надо дождаться конца сборки. Потому что, помнится мне, условие какое-то странное. Я имею право на бессмертие до тех пор, пока... Да, я вспомнил. Я бессмертен, пока выполняю поручения и подчиняюсь закону. Ничего странного нет в таком условии, что же кажется мне нелогичным? Поручения или закон? Что мне поручают?»

Сборка подходила к завершению, сборщик работал размеренно, он не умел нервничать и торопиться.

«Я ликвидировал?... Да, было. Устранял... Да, такое делал тоже. Рассеивал. Давил. Растворял. Лишал связности. Хаотизировал. Уби...»

Сборщик переместил готовую копию личности из депозитария в исходящий поток и приступил к проверке аутентичности.

«Вот почему условие бессмертия кажется алогичным. Я убиваю ради бессмертия. Если вдуматься, потери логики нет, так и должно быть. Убийца бессмертен, чтобы смерть его не пугала. Боюсь ли я смерти?» Сотни тысяч казней: рассеяния, подавления, хаотизации... «Нет, всё в порядке. Чужая смерть мне безразлична, следовательно, бессмертие можно считать безусловным. Очень хорошо. Долго ещё

мозгляк провозится? Кажется, я начинаю понимать...»

Сборщик подтвердил готовность, исходящий поток был сброшен в порт, а личность Жнеца изгнана из депозитария в мир.

«Кто разбудил меня? Ты? Кто ты такой, чтобы звать Жнеца?»

Страх пронзил Акиле до самых кончиков венёр. Когда Цатмелх-Айсис спрашивает, лучше ответить. «Эй атран...» – ответил Акиле: «Я жрец». «Посвящённый? Почему тогда боишься?» Никогда Акиле не думал, что Цатмелх так ужасен. Его взгляд, холодный как вода недоступных глубин, проникал в душу, ощупывал явное и потаённое: гнев, страх... Сомнения шевельнулись на дне души Акиле клáni Нумс – так ли уж бесспорно его жречество? Так ли чист гнев? Так ли он уверен в необходимости убить келеána? Терзаемый сомнениями нереán хотел ответить: «Смерть сухопутнику! Я жрец!» – но áскасск свело судорогой, не получилось выдавить ни звука.

«Я спрашиваю тебя, почему ты боишься».

Равнодушный негромкий голос. Пытка. Акиле, борясь из последних сил, вспомнил запах келеána, испытал новый приступ ненависти, но сомнения... «Можешь не отвечать, я вижу. Ты не уверен в своей правоте». Это было правдой,

но жрец уже не владел собой. Невозможно остановить пущенный в ход цат, даже когда ты цат и ца́тмелх в одном лице. «Ты не серп, ты жертва».

– Цу ноца́т, цу кле́ва, – услышал Акиле, и сердца схватило непереносимой болью.

– Эй кле́ва... – начал он. Звук не вышел. Телом жрец более не владел, Акиле клáни Нумс не стало.

Четвёртый сноп

«Неудобное тело, – размышлял, исследуя новое воплощение, Жнец. – Такое уже было. Давно или недавно? Какая разница, если хорошо помню. Тело кислзависимое, перемещаться может только в жидкой среде. Волновые способности на троечку. Абориген. Такому наизнанку надо вывернуться, чтоб подключиться к порталу. Разговора не выдержал. Жаль мне его? Нисколько. Казалось бы, я в его теле, эмоции должен получать. Почему никогда нет эмоций? Этот вопрос я когда-то обдумывал и решил – ментальный спектр с телом не совпадает, вот почему. Железы его... Что он чувствовал? Страх, гнев... Видеть-то я вижу, понять могу, но ощутить... А надо ли? Я получил задание, по закону должен исполнить. Что мне известно? Запах сухопутника. Где его найти, тоже известно. В полутора тысячах щупалец северо-восточнее, возле гор. Абориген считал риф горами. Пока не выйду на цель, нельзя бросать тело, иначе не найду по запаху жертву. Скучное задание: найти и... Что заказчик хотел сделать? Ну-ка. Ага. Сдавить щупальцами, медленно увеличивая нагрузку, лишит возможности дышать, затем разделить на две части. Не интересно. Делал подобное много раз. Но заказ есть заказ, по закону права выбора способа устранения я не имею. Что это за мелкота?

Жнец засёк стайку местных кислзависимых организмов,

очевидно – бездумцев, оценил, как реагирует тело. Пища. Он слегка изменил курс и дал телу насытиться. Во-первых, нужно следить за состоянием телесного обиталища – неизвестно, сколько времени уйдёт на выполнение заказа; во-вторых, информация о способах охоты лишней не бывает; в-третьих, просто интересно.

Оказалось, ничего особенного. Охотой такое поглощение называть стыдно. «И хватит. Не нужно досыта, снизится чувствительность, тело будет слушаться хуже. Вот горы». Он вынырнул, отметил, что в газовой среде тело чувствует себя неудобно, но запахи улавливает сносно. С оптикой хуже – искажена перспектива. Он нырнул и пошёл к объекту на максимальном режиме. Глаза прикрыл, чтобы не отвлекаться, одной акустики хватит: потерять уродливую посудину невозможно – канат скрипит, гудит от ударов воды металлический корпус, шумят какие-то механизмы, слышно даже нечто похожее на речь, но разобрать нельзя. Такого языка абориген не знал, хотя... Жнец заметил: меняется состав крови: тело готовится к нападению. Эти существа – враги. Ну-ка... Он вынырнул, взял запах. Так и есть. Цель найдена, дело за малым. «Скучно. Новой информации ноль. Разве это охота? Нисколько не интересней ловли тупых вододышащих бездумцев, которые, даже оказавшись в желудке, не понимают, что их съели. Цель на посудине, осталось уловить ментальный образ, затем, пользуясь ментальным столбом тела, надстроить себя чем-нибудь подходящим для газовой среды

и выполнить поручение. Может, для поиска и наблюдения выбрать что-нибудь эдакое? Архаичное, из кислотолюбивых беспозвоночных, или наоборот – бестельника нейропаразитического типа, чтоб заодно понаблюдать изнутри...»

Жнец выскочил из воды ещё раз и в краткий промежуток времени, пока тело двигалось над гребнем волны, понял: вот цель, искать не нужно. Наблюдение тоже ни к чему. Цель скучная: теплокровное животное углеродного цикла, слишком слабое, чтоб интересно сопротивляться. Никакой новой информации не будет: очевидно, что ментальный образ связан с гипертрофированным верхним нервным узлом. Такой цели Жнец не помнил, но разобраться будет несложно и без наблюдения. Да вот он, его ментальный образ.

Цель возле защитного ограждения посуды возилась с каким-то варварским приспособлением, живо напомним Жнецу стрекало веганского скрытня. Найдя место прикрепления ментального столба цели, Жнец поставил метку. Потерять цель он теперь не мог. Головоногое надоевшее тело рухнуло в воду по ту сторону от водного гребня. Наконец-то можно его оставить. Выбрать что-нибудь для атаки, и...

Воспоминания о веганской живности придали мыслям новое направление. В системе Веги Жнец бывал часто и никогда не оставался без информационного улова, охота в тех краях необычайно интересна. Взять хотя бы веганского амальгадилла. «Почему бы не устроить нечто подобное здесь?» – внезапно подумал Жнец, и эта идея ему понра-

вилась. Действительно: почему нет? Закон оставляет выбор надстройки на усмотрение исполнителя. Разобрать этот живой мешок со щупальцами...»

Покидая бар, Роберт Корк глянул на упившегося Ёсю. Труп, бесчувственная тушка. Зато не помешает. Роберт с трудом прихлопнул дверь – ветер, рвёт из рук. Хватаясь за леера, добрался до входа в рубку, приоткрыл стальную створку, протиснулся, но дыхание перевёл только запершись изнутри. Никакой радости в сезон ветров от прогулок по верхней палубе.

– Фу-у! Так. Дать «добро» Быстрицкому, пусть выгружает. Отстрелить вешку...

Он поколебался: сначала бы отстрелить вешку, а потом уже слать сообщение, но лишний раз высовывать нос наружу не хотелось.

– Я быстро. Где ты тут, моя хорошая?

Роберт отыскал ракетницу, проверил заряд, шустро отлучал сообщение: четыре двойки. К приёму груза готов.

– Сейчас буду готов.

Дождался подтверждения, ракетницу сунул за ремень и спешно покинул рубку. Грузовик идёт по касательной траектории, если к подходу не будет на рифе вешки, Быстрицкий не сбросит контейнер.

– Сбро... сит... – задыхаясь против ветра, проговорил Корк.

Три шага до борта, схватиться покрепче, вытащить пукалку, прицелиться и пальнуть. Можно бы и не особо целиться, но хочется, чтобы контейнер лёг вон там. Сбросить-то он сбросит и со второго захода, но вон будет – на всю Ассоциацию. Подумаешь, важная какая фигура – командир грузовика. Сидит сейчас за пультом, жаба жабой. «Сюда бы его», – подумал Роберт, вытаскивая ракетницу. Попасть хотел во-он туда, в промежуток между островками. Думал о том, что Быстрицкий всегда хвастался точностью выгрузки, и что не выгрузкой называл, а бомбометанием. Прикидывал, что творится возле скал: течение сумасшедшее, ветер швыряет хлопья пены. Даже головоногий туда не рискнёт сунуться, не то что...

– Лёгкок на помине! – выкрикнул Корк, заметив выскокившего из воды акуана. Ближко. «Что ему понадобилось? Как он вообще здесь оказался? Пугалки же поставлены... Из воды выскакивает. От ультразвука обезумел? Плевать, ведь не запрыгнет на борт».

Роберт примеривался выстрелить, но мешало ограждение. Он сдвинулся правее, где не было сетки, прицелился, но странный звук заставил его ещё раз глянуть на головоногую гадину. Чудище вырвалось из воды с рёвом, щупальца вытянуты, и...

– Что такое? – в растерянности спросил Корк.

Гад и не думал падать в воду, летел, как ракета из ракетницы, прямо на Роберта. Перемешанная с сепией вода лилась в волны, как из выжатой мочалки. Вдруг что-то странное произошло с телом: оно на лету вывернулось, точно резиновая перчатка, растопырило щупальца...

Корк, издав перехваченным горлом скрип, машинально наставил ракетницу на десятилучевую звезду с раздутым слизистым мешком в центре. Ему показалось – вот сейчас этот тошнотворный ком налетит, собьёт с ног, но – Вспышка! Вспышка! – взорвавшийся клубок дёрнуло в сторону, швырнуло в борт и перевалило на палубу, как нитки обрывая ваны.

«Я же не выстрелил!»

Роберт ничего не слышал. Вместо свиста ветра, рёва, грохота – ватная тишина. Заложило уши? Отвратительный клубок корчился на палубных досках, комкался, сочась струями чёрного дыма. Облако почему-то не отнесло ветром – оно сгустилось, скрутилось в штопор, хлестнуло хвостами, снёсло мачту вместе с паутиной снастей. Из дымного клубка вынырнуло сверкающая щучья...

– А-а! – заорал Роберт наставив ракетницу на...

«... пасть!» На зеркальную безглазую, с широким лобным щитком голову зверя легли оранжевые блики – сияние Альраи. Роберт нажал гашетку. Давил и давил на неё, словно в запасе было сколько угодно ракет, а не одна единственная вешка. Хоть и без прицела, а попал. Огненный шарик ша-

рахнул зверю в пасть, но это не произвело на него никакого впечатления. Вешки как не бывало. «Сглотнула и не поморщилась, – в панике думал Корк. – Что же теперь бу?..» Вешка не пропала даром. Прошла насквозь, саданула прямиком в судовую надстройку. Тут Корк наконец понял, что не стрелять надо было, а бежать. Повернулся, захромал против ветра к лестнице. Тварь нагнала одним рывком, толкнула в спину, повалила. Роберта придавило к палубе, обожгло холодом; он завопил, не помня себя.

«Занятно, – думал Жнец, рассеяв и снова сгустив амальгадилльское тело, чтобы пропустить ракету сквозь. – Кажется, он выстрелил от страха. Смешная нервная система, слабая. Ментальный столбик тоненький, о полном доступе не может быть и речи. Поиграть с ним? Эта штука в верхней конечности – оружие, но убивать он не хотел. Голосит от страха. Нет, такой амальгадиллу не противник. Поговорить с ним, забрать память? Ну что там у него может быть полезного... Э, друг! Убежать тоже не выйдет. Дать ему спрятаться, потом найти? Детские игры. Ну его, надоел». Жнец догнал зверька, играючи повалил его, прижал к посудине. Позади что-то хрустело и скрежетало. «Я что-то там задел, когда собирал тело. Интересно, он тут один был? Убрать свидетелей... Вообще-то лень. Судя по поведению этого растя-

пы, амальгадилла он видит впервые. Ладно, после разберусь. Брыкается, тяжело ему. Занятный зверёк. Есть в нём что-то знакомое. То ли я охотился на таких когда-то давно, то ли... Спешить некуда, если уж подключился, надо с ним поговорить. Раздавить, задушить и разорвать надвое всегда успею».

– Не дёргайся, это бесполезно, – сказал жертве Жнец через ничтожный ментальный столбик.

«Кто ты?!» – источая волны животного страха и корчась, спросил зверёк. Жнец видел амальгадилла глазами жертвы и жертву зрением амальгадилла. Это было занятно, в высшей степени занятно, кроме того, нечто шевельнулось в обширной памяти убийцы: тело жертвы передавало через верхний нервный узел что-то такое...

– Я смерть твоя, – нежно проговорил Жнец, и ощутил вдруг, как прихлынул страх: не осознал, а именно ощутил: тяжесть, холод, боль. Страх, многократно усиленный мощным разумом Жнеца, перекинулся в амальгадилльское тело. Отклик был молниеносным.

Циммерман прекрасно знал, что такое веганский амальгадилл, хоть и не приходилось никогда имеет дело с этим чудом природы. В системе Веги был пролётом; только и хватило времени на обзорную экскурсию. Реалы про местную фауну туристам конечно показывали, не с учебными даже це-

лями, а просто чтоб не скучали. В развлекательном ролике Иосиф увидел, как амальгадилл разносит в пыль туристический лайнер первого класса, как мнёт и рвёт титановые переборки, словно они из бумаги, как людей высасывает, точно устриц из раковин.

Сомнений не было, Роберту уже ничем не поможешь, зверь прижал его к палубе бесплотным телом. Сомнений не было также и в том, что спрятаться от амальгадилла в плавучей гостинице негде. Иосиф заметил ракетницу шагах в трёх от сбитого с ног Роберта. Чепуха, чтоб устоять против такой зверюги, нужен «дезинто», да и то ещё неизвестно поможет ли. «На лестницу? Нет, заметит. По стенке? Какой ветрище. Осторожно. В рубку? Без толку. Не сезон, никто на твой SOS не явится, глупый Ёся. Чёрт меня понёс на эту планету. Кто знал, что здесь водится эта... Придумал! Аварийные ранцы!» Вообще-то аварийные ранцы больше похожи на кресла, но не в названии дело. В том дело, что вот они, по левому борту, в нишах. «В том дело, господа мои, – думал Иосиф, – что если сесть, пристегнуться и...» Он лихорадочно вздёргивал ремни и совал в пазы пряжки, рывком опустил щиток обтекателя, и только успел сунуть в чеку пальцы, как на корпус судна обрушился новый удар.

Не выдержали нервы, Иосиф выдернул чеку. Получив сиденьем под зад здоровенный пинок, потерял сознание; когда очнулся, увидел над собою пёстрый купол раскрытого парашюта.

ПЯТЫЙ СНОП

По большому счёту в рейсе капитан на посту управления не нужен, грузовик – не боевой корабль, идти из точки «А» в точку «Б» на гравипроводе невелика хитрость, киберш-кип и сам с этим прекрасно справится. Капитан грузовика в обыкновенном рейсе и при погрузке-выгрузке присутствовать не обязан, для этого есть киберкарго. Зачем же вообще на грузовике капитан? На случай аварии? Ну так, а киберменеджер аварийный и ремботы на что? В общем, будь грузовик «Чёрное море» обыкновенным торговым судном, Эдик Быстрицкий определённо чувствовал бы себя на борту лишним. Но «Чёрное море» не был обыкновенным судном.

Вы думаете, он потому не был обыкновенным судном, что нёс в трюме замаскированные под контейнеры с пастой «унитранс» коллаптические планетарные бомбы, а вместо резервного водяного бака счетверённый «дезинто»? Не угадали. Самый строгий кибертам после самого тщательного таможенного осмотра решил бы, что перед ним обыкновенный благонамеренный грузовик. Сундук с гравитационным реактором устаревшего типа, везущий в трюме из точки «А» в точку «Б» контейнер с разрешённым в системе эпсилон Эридана грузом – кораллитовыми полипами – и ещё контейнер с каким-то там конденсатом, и всё. В резервном баке грузовика тоже ничего неожиданного – обыкновенная вода.

Вы спросите, что же тогда этакое в грузовике? Что он делал возле гаммы Цефея, если точки «А» и «Б» его маршрута – обе в системе эпсилон Эридана? Особенным на борту «Чёрного моря» был капитан, его-то гешефты и впутали грузовик в сомнительную авантюру. Но прежде чем обвинять, давайте разберёмся и тогда посмотрим. Виновен ли капитан, что на пути следования – по наивыгоднейшей траектории! – оказался прокол, вход в «кротовую нору»? Разве это прокол капитана? Идёмте дальше. Виновен ли капитан, что какой-то неумный шутник сделал выход из «кротовой норы» как раз здесь. Что говорите? Здесь у вас гамма Цефея? Пусть вам будет от этого лучше, но кто эта гамма капитану? Набор пустых звуков. Он её даже не заметил. А мы с вами идёмте дальше, и давайте заметим, что если войти обратно в выход, то он станет входом, а выходом станет вход. И давайте согласимся, что это хороший выход из дурацкого положения – грузовик ляжет на старый курс, доковыляет постепенно до буквы «Б», и всё. Что – груз? Какой груз? А, вы вот об чём. Ну так, давайте же разберёмся! Груз в точке «А» загружен? Загружен. В точке «Б» выгружен? Что значит, не выгружен?! Извините! Вот отметка грузополучателя, а если вы хотите найти именно тех полипов на одиннадцатой планете эпсилон Эридана – кто ж вам помешает? Кораллитовых полипов и в точке «А» много и в точке «Б» хватает, можете переговорить с каждым. А вот судовых киберов после рейса спрашивать бесполезно, они старые, страдают склерозом. И вы теперь сами ви-

дите, что зря называли обычную перевозку гешефтом и сомнительной авантюрой. Как так – не вы называли, а я? Ну раз не вы называли, так в чём же дело? А я всего лишь хотел, чтоб вы поняли: Эдик Быстрицкий – особенный капитан, и вы у меня поняли. Но вы же ещё не всё поняли! Зачем всё это понадобилось Эдику, если он такой особенный? Думаете – ну что непонятного? – человек зарабатывает хорошие деньги! И снова вы не угадали.

Капитан Быстрицкий заметно нервничал, но замечать это было некому, команда грузовика «Чёрное море» состояла из капитана и компании болванчиков, обитавших в электронных кишочках рубки. По правилам эксплуатации следить за состоянием капитана должен медбот, которого капитан на свой страх и риск выключил. Если всё пройдёт как задумано, медбот не понадобится, в случае непредвиденных затруднений он только мешает. Втемяшится ему вдруг передать управление кибершкипу только потому, что капитан в полубморке, и всё пропало. Капитан нервничал, потому что всё уже пошло не так, как было задумано.

– Ну что, Ной, ты так и не сделаешь мне сегодня ручкой? – шептал он, неотрывно следя за экраном. – Ты таки пошлешь меня с цацками на второй заход? Не тяни, эйнштейн, время не резиновое. Ты даже не знаешь, за что я тебя подвешу, если норка сделает мне «здрости».

Пунктуальность бозоидов омерзительна: если сказали, что продержат нору открытой с момента икс до момента икс

штрих, так и сделают. Схлопнется «кротовая нора», сам виноват, капитан, – штрихуй не штрихуй какие хочешь иксы, так и останешься вместе с грузовиком там, где тебе и ему быть не положено. И тогда подвешивать разгильдяя Ноя придётся уже после того, как тебя самого подвесит терранская администрация.

Быстрицкий подал на третий вспомогательный монитор изображение с камеры передней полусферы. Углеродный пузырь Боз прямо по курсу; его спутник, Террана, выше, похож на огромную опрокинутую чашу. Шкип уже вывел судно в плоскость орбиты, и теперь корабль догоняет планету, понемногу гася скорость для прохода сквозь атмосферу.

– Второй заход это нудно, – ворчал Быстрицкий. – Тормозить на предельном, опять разгоняться... И не где-нибудь в тени Боза, а надо будет под солнышко вылезти.

Альраи, надо сказать, злое солнышко, подставляя ему корабль лишний раз ни к чему. Террана потому и обитаема, что большую часть терранского года прячется в тени газового гиганта.

– Ну, слава Бозу! – Быстрицкий увидел: пришёл сигнал готовности. Тут же отправил подтверждение и отобрал у шкипа бразды. Начиналось то, для чего грузовику был нужен живой капитан.

Он рывком увеличил скорость, одновременно целясь кораблём в самый центр гигантского облачного вихря, где не будет болтанки. Автомат сначала нудил бы ища вешку,

потом прорву времени потратил бы на поиск оптимальной исходной позиции, потом... Быстрицкому всё это было ни к чему: где примерно появится вешка, он знал; знал и то, что в атмосферный вихрь нырнуть лучше всего по центру, даже если потом придётся чуть дольше идти против потока и чуть-чуть больше обычного загрузить реактор.

– Я не понял, Ной?! – возмутился он двадцать минут спустя. – Что-то я вешки не наблюдаю. Если ты думаешь, что я тебе мальчик и буду заходить по два раза, так ты очень ошибаешься. Я зайду тебе и в третий раз. Так зайду тебе, не разберёшь потом где у тебя нос и где корма.

Когда идёшь по касательной на судне с гравитационным приводом через беспокойную атмосферу, дело решают секунды. Нужно быть предельно аккуратным, если, конечно, не хочешь, чтоб тебя засекли на втором заходе по характерным тороидальным всплескам гравипотенциала. Сквозной проход через беспокойную атмосферу, да ещё и с прицельным сбросом груза – тонкая работа. Быстрицкий скалился, лёгкими касаниями двигая ползунки позиционеров; поглядывал на главный экран и на второй вспомогательный, где публиковал свои ценные соображения шкип.

– Та я вижу, что уже всё пропало, – выцедил сквозь зубы капитан. – Где вешка, Ной? Нет, это уже даже не смешно.

Время принятия решения. Второй заход? Всё так же зверски скалясь, Быстрицкий двумя щелчками разбудил экран точной ориентировки и грузовой прицел. Ждать? Ориенти-

ровка. Вешки нет, прицелу захватывать нечего. Второй заход? Ещё чуть-чуть. Что там на радаре? Вот это да! Так не бывает. Визуально проверить?

– Везуха, – прокомментировал Эдик Быстрицкий, увидев на спине океана похожие на зелёных амёб пятна и белую чёрточку прямо по курсу.

«Такой заход стратить из-за хромоногого лодыря и саботажника?!»

– Где вешка?! – заорал капитан, понимая: ещё чуть-чуть и выбора не останется. Глупое положение: видеть цель без всякого радара, но не иметь возможности обработать. Это выше человеческих сил – положить груз в нужную точку «на глазок». Нужна вешка.

Обычно пилот не видит, с какой убийственной скоростью движется судно. Риф и лежащий на воде «Ковчег» не приблизились, не выросли, а прыгнули навстречу.

– Есть! – завопил в полном восторге Эдик Быстрицкий, услышав зуммер захвата цели.

Мигом перебросил фиксатор и дал «пуск». Надо было проследить, как отработает сбрасыватель, но капитан дошёл до самой высокой степени возбуждения: ещё бы! Бомбометание с визуальным контролем! Раз в жизни такое бывает. Можно позволить себе роскошь – увидеть своими глазами, куда попадёт груз.

– Что за бред?! – изумился он. – Зелёная метка целеуказателя лежала в точности на корпусе «Ковчега».

Капитан принял решение за долю секунды. Автомат не способен на такую глупость – экстренное торможение вблизи поверхности атмосферной планеты. Не помогло бы и торможение, сработай грузовой люк на долю секунды раньше. Но Эдик успел, точные расчёты автоматического наводчика пошли псу под хвост, недалёт.

– Недалёт, салага, – прокомментировал капитан, блокируя аварийку.

Ручной режим.

– Ной, Ной... Довёл ты меня до ручки, – шептал Эдик, выравнивая корабль и ориентируя так, чтобы видеть – как там «Ковчег»? Что за дикий фортель: поставить вешку прямо себе на корпус? То, что контейнер лёг мимо цели, в общем, пустяк. Будет на бурой спине терранского океана ещё один кораллитовый прыщ, чем больше суши, тем лучше. Эдик Быстрицкий, занимавшийся контрабандой не за деньги, а по глубокому убеждению, считал, что лишняя суша свободным поселенцам будет не лишней, поэтому про угодивший куда попало груз думать забыл. Где-то там, внизу, жёлтая коробочка лопнула от удара об поверхность воды, личинки полипов разнесло в разные стороны, подхватило течением, и стало им хорошо.

– Им хорошо, а тебе, Ной, когда мы встретимся, я сделаю плохо, – заявил Быстрицкий, разглядывая плавучую гостиницу. Дистанция – четыреста с чем-то метров, скорость сближения – почти ноль, высота...

– Чтоб ты был здоров, Ной! Что за бардак у тебя на палубе?!

Дымное, чёрное что-то. Вспышка! Вспышка! Радиомачта падает. Пожар? Взрыв? Быстрицкий прикидывал, что можно сделать. Мелькнула мысль: «Не от моего ли контейнера?» Капитан прогнал её. Это потом. Что сделать? Вода... Ной там один, не справится.

– Цистерна! – вспомнил Быстрицкий и стал действовать. «Сбросить воду из резервной. Пульт, киберкарго, панель управления. Вот она. Осторожно, здесь тебе не там. Здесь тяжесть. Уронить тридцать тонн... Нельзя. А если он там, на палубе? Гравизахват. Не та кнопка! Дурак, уронишь вместе с цистерной! Фиксаторы. Есть!»

Грузовик дрогнул, цистерна, отделившись, попала в гравизахват.

«Двумя пальчиками, Эдик... Так. Теперь смотри: подбросить, раскрыть створки, чтоб не хлопнуло, а брыз... Тварюка!»

Примериваясь аккуратно выплеснуть воду из подвешенной в гравизахвате цистерны, Эдик глянул на экран. Жуткая чёрная тварь с блестящей щучьей мордой взметнулась над палубой как раз против цистерны, повела башкой и кинулась с места в атаку.

– Э! Полегче! – возмутился Быстрицкий. – Таких, как ты, не бывает!

Бывает или не бывает, а вот ведь. Грузовик тянуло вниз,

не справлялся реактор. Шкип закатил истерику. Чёртова шука мяла цистерну, как воздушный шарик. Сбросить в море? Вместе с баком? Стряхнуть? Быстрицкий, дёрнув джойстиком гравизахвата, попробовал сбросить прилипалу, но только хуже стало. Утащит в воду и бак и корабль, понял Быстрицкий. Поддайся, и ты победишь, мелькнула вторым планом глупая мысль. А может, не глупая?

– Совсем... наоборот... – выдохнул Эдик, перевёл реактор в импульсный режим, отдал все сто процентов мощности гравизахвату и отправил цистерну в надир вместе с неведомой тварью.

Грузовик подбросило. Перегрузка. В глаза темно. Полегчало. «Невесомость? Падаю?» Спустя секунды Эдик пришёл в себя. Невесомости не было. Шкип справился, подхватил корабль и теперь выводил на исходную. «Я цел, а как там шука?» Из моря столб воды к небу. «Это и должно выглядеть как подводный взрыв. Здесь неглубоко, я его по дну размазал. Если оно выжило после такой оплеухи, я первый сниму перед ним шлем. Ковчег волной ударило. Был ли на палубе Ной?.. А, вот он».

Эдик увидел пёстрый гриб раскрытого парашюта, припомнил – на «Ковчеге» же аварийные катапульты имеются, – стал подруливать и готовить гравитрап к приёму гостя. «После такой катавасии можно плюнуть на конспирацию слюной. Знаешь, Ной, я как-то даже не ожидал увидеть тебя так скоро. Ты думаешь, тебе это не икнётся? Всё припомню:

и вешку, и щуку эту гадскую. Подхватчу тебя, сброшу второй контейнер... Теперь можно не прятаться, всё равно перехватят на возвратном курсе. Так что не переживай, по шее я тебе дать успею. Загнем с тобой на пару в шахту...» В глубине души Эдик Быстрицкий всё ещё верил, что как-нибудь получится извернуться.

Шестой сноп

Искра ужаса, упавшая в разум Жнеца из слабосильного тела цели, полыхнула пожаром. Забытое переживание. Жнец вскинулся, поднял на дыбы послушное амальгадильское тело. Страх смерти парализовал разум. Когда веганский амальгадил чувствует опасность, он нападает без колебаний. Он кинулся на большое, быстрое, которое надвигалось сверху. Разорвать в клочья и утопить! Оно брыкалось. «Что со мной?» – подумал Жнец. Волны ужаса, бившие в разум из тела цели, мешали думать, а тут ещё боль... Топить! – заставлял могучий амальгадильский инстинкт. И тут сверху рухнула невыносимая тяжесть. «Я умираю? Не может быть...» – думал Жнец, хватаясь за последнее, что связывало его с миром – тонкий ментальный столбик цели, по-прежнему заполненный болью и страхом смерти. Он не хотел умирать. Он боялся. То, что связывало его с миром – ничтожная соломинка! – не способно было вместить полный разум Жнеца. Он приноровился к замедленной реакции нервных узлов зверька, попытался втиснуться в это... как оно называется? После томительной задержки пришёл ответ – мозг. Не получилось разобраться в обрывочных суетливых откликах мозга и в то же время управлять телом. Слишком узкий информационный канал. «Я хочу жить!.. Но я же бессмертен?..» С большим опозданием Жнец понял, что случилось.

Он в теле того, кого должен по закону убить. Он не может этого сделать, потому что по закону должен не просто убить, но выполнить заказ в точности: сжать, увеличивая давление, лишить возможности дышать и затем разделить на две части. Лишить возможности дышать несложно, но сжать? Разорвать пополам? Его швыряло из стороны в сторону, ударило обо что-то. Ах-х! «Больно как...» Он вцепился в... Как они называются? Обхватил... Его накрыло волной. «Дышать!.. Если задохнусь, всё будет кончено. Ни раздавить, ни разорвать пополам... В голове мутится, мысли путаются. Кончается воздух. Не выполню заказ – бессмертию конец. Дышать!» Волна схлынула, он остался на палубе. В эти – как их? – вцепился мёртвой хваткой. Воздух судорожно втягивал и тут же выбрасывал – кашлял, плевался.

«Жив. Пока ещё жив. Жёсткое под... головой. Доски. Палуба. Бок болит и колено. Опять я этим коленом. Жив!» Что?! – отстранённо удивился Жнец. Я счастлив? Как глупо! Совпадение или... Эмоциональный спектр не проверишь, слишком узкий канал. Волновые способности даже не на троечку как у того головоногого, а на единицу. Нулевые почти что. Но я жив. И поэтому счастлив.

Палубу сильно раскачивало. Хватаясь за какие-то трубы, Жнец попробовал подтянуть неуклюжее тело поближе к стене... «Это рубка? Здорово меня швырнуло» Он застонал. Всё-таки сильно голова болела и рёбра, должно быть, с размаху обо что-то пригрело. Только бы не потерять сознание,

подумал он и провалился в звенящую тьму.

Убедившись, что гравитрап подхватил парашют, Быстрицкий тут же переключился на второе задание. Время терять нельзя.

– Сколько там натикало? – Он покосился на таймер. Больше двух часов ещё до того, как законопатят нору. Есть шанс. С Ноем разобраться можно и после. Сначала поставить корабль на курс. Сильно не разгоняться, тут недалеко. Ничего с Ноем не сделается, он в трубе гравитрапа, как у мамы в...

– В брюхе, – сказал Быстрицкий. – Потрясёт немножко, но ему на пользу эти потрясения.

Скармливая целеуказателю район выгрузки, он обдумывал, что делать дальше.

– Мы с тобой, каторжанин, вот что сделаем, – бормотал он, вразумляя киберкарго.

– Вот какими будут наши действия, – бурчал он, проверяя автоматику хитрого контейнера с каким-то там конденсатом.

– Мы вот как извернёмся... – говорил он, замеряя дистанцию.

– ...с тобой. На пару попадать на каторгу нет резона. И мы с тобой этого делать не станем. А станем мы с тобой...

Сорок секунд до выхода в расчётный район. Отсчёт.

– ...делать ноги, – закончил Быстрицкий и запустил от-

счёт.

Теперь грузом займётся киберкарго. По нулю отсчёта сбросит, дав команду мозгам контейнера. Мозги у него куриные, но и таких хватит, чтобы выйти на цель. «Интересно, кому эта дрянь понадобилась в океане. Головоногим, что ли? Конспирация конспирацией, но пора бы уже задать начальству вопрос: вы за кого меня здесь держите, за циркового цуцика? Третий раз вожу эту дрянь. И контейнер странный. Надо ткнуть Ноя носом в это дело, может он знает. Кстати, о Ное...» Быстрицкий глянул, как поживает гравитрап. Ага, втянулся. Люк задраен. Каторжанин там, в кессоне матерится, лезет из кресла, путаясь в стропях. И пускай матерится, не до него пока. Сначала дело. Контейнер сброшен в расчётном районе, дальше сам доберётся. Надо же – ради доставки гадского какого-то конденсата потратить гравиконтейнер-автомат! «Проследить бы, куда он денется, – рассеянно думал Быстрицкий. – Там пусто, океан. Не плюхнет же в воду, хоть, судя по виду, он может. Некогда, всегда некогда. Сразу приходится драпать». Отдав команду кибершкипу лечь на возвратный курс и – чего теперь стесняться? – следовать на предельном режиме, Эдик с трудом выкарабкался из капитанского кресла. Ноги не держали после такой канители.

– Стесняться нам теперь нечего, вот что я тебе скажу, – говорил он по дороге в кессонный отсек. – Потому как или нам с тобой на пару валить отсюда прямиком к эпсилон Эри-

дана, или я даже не знаю. Или ты скажешь, что хочешь обратно в шахту? Извини! В шахту – без меня. Сам себе думай, как будешь туда попадать, но сначала ты у меня слетаешь, куда мне надо. А надо мне на кораллитовый песочек. Только не на Террану, у меня от этой планеты изжога и полное расстройство организма. И вот что я скажу...

При этих словах переборка кессонного отсека с шелестом ушла в сторону, и капитан увидел лезущего из кресла и путающегося в стропах человека. Нет, не двухметрового лысого хромоногого верзилу Ноя, которому накостылять бы по шее от избытка чувств, а какого-то чернявого субчика, шибздика с разбитым носом. Обалдевшего какого-то паршивца, которому по шее дать мало. Промокшего и продрогшего разиню в шортах и майке, типичнейшего туриста, из тех, что без толку слоняются туда-сюда по галактике, норовя не заплатить за проезд. Космопроходимца, который...

– Издр... Здравств... – сказал Ёся Циммерман и звучно икнул.

– Ты у меня здесь кто?! – пуча глаза, возопил Эдик Быстрицкий.

Спиро выжимал из двигателя всё, что мог. Сбрасывал газ, только когда чихали, прихватив воздух, водомёты. Яхту бросало с гребня на гребень, в каюте всякий раз ухала незакреп-

лѐнная откидная койка. Спиро не обращал внимания, пусть. Час тому, обходя риф Надежды с наветренной стороны, он принял чей-то SOS, науськал автопеленгатор (тот поймал направление тут же) и отметил курсовую поправку. Пойти туда сразу не получилось – мелководе, скалы. Спиро был в этих краях в конце прошлого сезона. Кто знает, что с того времени случилось. Рыбаки предпочитают держать язык за зубами, и всё же ходят слухи, что риф Надежды растёт и очень заметно. Слухи есть слухи, однако эти похожи на правду. Вон как скалы торчат, а ведь скоро прилив будет в полной силе.

– Не иначе с «Ковчегом» что-то, – шептал Спиро, безотчётно питая надежду, что сигналит не плавучая гостиница, а пропавшая яхта «Бродяга». Это вряд ли, три года немалый срок, но...

Пока шёл над скалами, разглядывать горизонт было недосуг. На цыпочках пробирался, поглядывая то на эхолот, то за борт, и покручивая рулевое колесо. Прошёл благополучно, дал полный газ. Глянул прямо по курсу, вздохнул. Зря надеялся. Сигналил, конечно же, «Ковчег». Вон он стоит на мёртвом якоре. Издалека не очень-то разглядишь, одно понятно – досталось «поплавку» на орехи. Рубка развалена, снесена мачта. Взрыв? Спиро припомнил, что слышал на подходе к рифу гром. Решил – где-то там гроза над морем, в сезон ветров такое бывает. Подумал ещё, не попасть бы в неё, этого только не хватало. Не гроза, значит. Или гроза? Взрываться на «Ковчеге» вроде нечему. Ударило молнией

в мачту?..

– Ударило, не ударило... На месте увижу. Раз дали SOS, значит, было кому дать, – рассуждал Спиро, следя, чтобы не подставиться под волну бортом. Ворчал, что, слава Бозу, ветер попутный и что SOS наверняка дал смотритель.

– Погоди-ка... Как же он дал SOS, если повалена мачта? Значит, он сперва просигналил, а потом уже её повалило? Ну да, то-то сигнал оборвался. Что-то ещё стряслось перед взрывом. Этот смотритель...

Шёптали про смотрителя плавучей гостиницы разное – такое, что повторять не хотелось. О ком не шепчут? Доподлинно Спиро знал об этом человеке мало: сидит-де безвылазно в гостинице вот уже который сезон, зовут его то ли Борк, то ли Корк, то ли Шморк, то ли ещё как-то. И ладно. Не оставлять же человека в беде только потому, что фамилия у него дурацкая, думал Антониадис. Слухи тоже не причина. Может, всё это выдумки и никакого Ноя нету. Безумная затея – строить рифы. Селиться там ещё глупее. Ассоциация, понимаешь ли, свободных поселенцев!.. Нет-нет. Отбиться от гадов головоногих – в это ещё можно поверить, но чтоб их оставили в покое вертухаи! Это вряд ли. Выродки, зловредное племя, хуже головоногих. Даром что люди. «Какие они люди, если им казнить человека всё равно что выкурить сигарету? Выродки и есть.

Никогда раньше Спиро не видел плавучую гостиницу вблизи. Громада! А издали кажется игрушкой. Нельзя под-

ходить к борту, шлёпнет корпусом об корпус. Сносит, течение сильное. Если правда то, что Толстый Олаф рассказывал, подходить надо с кормы. Спиро крутанул рулевое колесо и сбросил газ, «Электру» потащило вдоль корпуса плавучей гостиницы. Отойдя подальше, Антониадис снова врубил водомёты на полную мощность и повернул яхту круто против течения – надо было перескочить через буруны кильватера. «Если не врал Олаф, затворы ахтеркамеры откроются сами. И провизор тоже рассказывал. Правда, провизор – сухопутная задница и никогда не был здесь в сезон ветров, а Олаф известный враль. Ладно, посмотрим. Корма какая широкая!

Водомёты едва справлялись, «Электру» трясло и подбрасывало, продвигалась она медленно. Спиро пригнул от напряжения голову и сложил губы куриной гузкой. Каждую секунду готов был переложить руль, если вдруг что случится. «Олафа придушу его же шнурками, если...» На затворах замигали жёлтые фонари. Автоматика «Ковчега» спросила: «Свой или чужой?» «Свой!» – ответил маячок «Электры». Ворота стали лениво поворачиваться – внутрь. Ни дать ни взять, жучьи жвалы. «Нет, не враньё это – про затворы», – подумал Антониадис, потом ему пришло в голову – сейчас ведь швырнёт напрямик туда, водомёты... Вовремя спохватился – дал самый полный назад. В тёмном провале дока мигали лампы. «А если там...» Яхту внесло в ахтеркамеру, словно подмокший бумажный кораблик. Док оказался, вопреки опасениям Антониадиса, пуст.

Спиро сбросил газ, выравнивая судно, душу облегчил многоэтажным ругательством. Прикусил язык – корпус трянуло. У старика поджались уши – ожидал, сейчас будет скрежет, удар... Обошлось. Яхта, подхваченная под борта выдвижными обрешиненными захватами дока, остановилась. Спиро на какое-то время оглох, звенело в ушах. Заставил себя выпустить рулевое колесо, полез наружу. Шатался, словно пьяный. Потом он услышал, как гудко плещется, успокаиваясь, вода в стальном корыте дока, как гудят и щёлкают какие-то механизмы, а когда всё это затихло, ему почудился шорох. «Здесь крысы? Чтоб я ещё раз когда-нибудь... Олаф не врал, как ни странно. Войти я вошёл, но как выходить буду? Ворота открыть, полный назад, а там – как карта ляжет? Но как открыть ворота? И корпус в захватах... Не пришлось бы прокуковать здесь до заката Альраи. Ладно, это потом. Крысы... Клопы тоже должны быть. Голодные клопы. Туристов-то нету, один смотритель остался. Как я его найду? Клоповник-то здоровенный... Ну, с чего-то нужно начать. Всё равно с чего. Душно тут». Чтобы проветриться, Спиро решил начать поиски с верхней палубы, и, как оказалось, правильно сделал.

Седьмой сноп

– Свалился ты на мою голову, – ворчал Быстрицкий, поглядывая на гравископы. Вход в «кротовую нору» открыт, тридцать четыре минуты до прокола, время есть. А «хвоста» – наоборот, нету.

– А куда мне было деваться? – вскинулся Циммерман. Занимал собою соседнее кресло, вид имел встрёпанный, настроен был полемически. Слегка гнусавил, к носу прижимал тампон.

Ответить бы ему как следует, но Быстрицкий не стал. Тридцать три минуты до прокола, не поздно ещё повернуть оглобли, но глупо же, очень глупо! Ной мёртв. А вдруг нет? Этот пижон говорит, мертвей мёртвого.

– Куда мне было деваться?! – кипятился Циммерман. – Амальгадилл, вы понимаете? Такая зверюга! Бедняга Роберт...

– Ты уверен, что он... Что его...

– Уверен ли?! Вы живого амальгадилла когда-нибудь видели?

«Видел», – подумал капитан, припомнив блестящую щучью морду и надсадные вопли кибершкипа о перегрузке ректора.

– Я его идохлым видел, – ответил он, подумавши, чтодохлым-то как раз не видел, но после такой оплеухи и три-

жды живой сдохнет.

– Что вы там видели! – Циммерман психовал, и понятно почему: сбежал ведь. – Что вы могли отсюда видеть?.. Видели вы, как он валяет его по палубе?.. Видели вы, как он на трупе... Что я должен был?.. С голыми руками, с одной ракетницей?

– А, так это ты отстрелил вешку прямо в корпус?! – прокурорским голосом спросил Эдик Быстрицкий.

– К-какую вешку? Вы что?.. А, вот оно что. Вот почему ракетница. Нет, вы не поняли, Эдик. Роберт говорил мне... То есть, не мне, но я слышал, как он говорил: пора-де отстрелить вешку. Что-то ещё про какой-то груз. Я не понял: откуда груз в сезон ветров? А он вон откуда. Ага, значит, Ной... то есть, Роберт ставит вешку, а вы сбрасываете груз. Остроумно, ничего не скажешь. Но зачем? Или... А, я понял. Контрабанда. Кораллитовые полипы?

Быстрицкий молчал, это стоило ему больших усилий.

– Ладно, не хотите говорить – не надо, хоть всё и так понятно. Значит, ракетница. Она валялась на палубе неподалёку от тру... оттуда. Вы не думайте, я к ней даже не при-трагивался. С ракетницей против веганского амальгадилла – гиблое дело. Так что вешку отстрелил не я. Это Роберт. Думаю, он до того ни разу не видел живого амальгадилла и даже не знал о нём, потому что если б знал, сразу бы понял, что не стрелять надо, а бежать.

«Ной, Ной... – с горечью думал Эдик Быстрицкий. – Как

это на тебя похоже: не бежать, а стрелять. И что в результате? Ты мёртв, а этот шибздик, туристишка вшивый, жив. И надо бежать, потому как возвращаться глупо. Девятнадцать минут до прокола. Теперь даже захоти я вернуться, перехватят истребители. Странно, что нет „хвоста“. Почему? Некогда разбираться. О другом надо. Что с шибздиком делать? Слишком много знает».

– ...сообщить властям, – говорил между тем много знающий Циммерман. – Потому что веганские амальгадиллы очень опасны. Откуда они взялись на Терране? Вы знаете, Эдик, они ведь пустотники. Как попали на атмосферную планету? Есть у вас связь с властями?

– С какими властями?! – загремел, сорвавшись, Быстрицкий. Потом взял себя в руки, спросил почти спокойно:

– С какими властями? С каторжным начальством?

– А, ну да, ну да... – бормотал Циммерман. – Вы же контрабандисты и... Как бы так выразиться...

Иосиф с опаской косился на Быстрицкого: «Здоровая дылда, похож на портового амбала. Чего они все наголо бредуются?»

– Слушай, ты... – Быстрицкий давился словами, видно было, пытается овладеть собой. – Забыл. Как тебя?

– Циммерман, – с готовностью подсказал Циммерман. – Иосиф Циммерман. Можно просто Ёся.

– Оно и видно, – с досадой уронил Эдик. – Слушай меня, Ёся. Никому ты ничего сообщать не будешь. Альма... Ко-

роче, наши терранские гады – наше терранское дело. Наше, а не твоё.

– Но как же ваше, когда они у вас не водятся? – рискнул возразить Циммерман. – Согласно межгалактическому праву... Да, в общем-то, и без него. Я читал правила Системы Пересадочных Станций, и там написано...

– Плевать нам слюной на то, что там написано, – оборвал Быстрицкий. – В гробу мы видали и систему и её правила. Если по правилам получается, что человека надо сгноить заживо в ледяной шахте, когда он сдуру подмахнул вонючую бумажку.

– Надо читать...

– Надо, – вновь оборвал сопляка Быстрицкий. – Вот ты и читай, если тебе надо. А тебе надо. Как раз такие как ты умники начитаются правил и вкалывают потом по этим правилам, как бобики, в шахтах за просроченные визы.

– Мда-а, – протянул умный парень Ёся Циммерман, припомнив, чем лично ему грозит общение с терранской администрацией. Потом тряхнул головой и продолжил:

– Но всё-таки я бы сообщил властям. Понимаете, Эдик, веганский амальгадилл это серьёзно. Он напал на гостиницу. Есть жертва. Он напал на ваш корабль.

– На судно, – машинально поправил Быстрицкий. – Это грузовик.

– Да? Ну, пусть грузовик. Хотя я не понимаю. Если грузовик, откуда у вас «дезинто»?

– Нету у меня никакого... Слушай, э-э... Слушай, Ёся. Не зли меня, а? «Чёрное море» грузовик, вооружения на нём нет. Вообще ничего нет. Везёт кораллитовых полипов и ещё какую-то дрянь из системы эпсилон Эридана, в... туда же. Запомнил?

– Запомнил. Я понял, что вы не хотите огласки. Но всё-таки я не понял. Как амальгадилл с Веги оказался на Терране? Получается, на обитаемой планете есть пересадочная станция? Но согласно межгалактическому праву размещать пересадочные станции на обитаемых планетах запрещено!

– Запрещено, – рассеянно подтвердил капитан, следя одновременно за отсчётом и за чёрной кляксой на гравископе, изображавшей вход в «нору».

– А она есть.

– Есть.

«Три, два, один... Есть прокол», – подумал капитан. Не удержался, глянул на обзорный экран. Вот она, эпсилон Эридана. Смылись.

– Но это же вопиющее нарушение правил – пересадочная станция на обитаемой планете!

«О чём он? – расслабленно подумал Быстрицкий. – А, об этом».

– А кто тебе сказал, что Террана обитаема? – благодушно спросил он. – Каторга не в счёт, а свободных поселенцев начальство старательно не замечает.

– Свободных поселенцев?

– Так мы себя называем. Но для них мы никто, для них мы даже не двоюродные. Для них или мы, или головоногие, или щукоголовый ящер – пустое место.

– Э-э... Ящер? А, ну да, вы про амальгадилла. Но есть же ещё головоногие! Они аборигены? Я слышал, они разумны.

– Эти гады? Разумны? Да ты что, Ёся! Ты за кого вообще, за нас или за них?! Ты же человек, гражданин Земли!

Иосиф видел: дело нешуточное. Когда парень, похожий на портового амбала, с таким выражением на лице спрашивает вас, за кого вы, за тех или за этих, дело пахнет выбором жизненной позиции.

– Я гражданин Галактики, – с достоинством ответил Циммерман.

Быстрицкий почему-то не вспыхнул. Вздохнул, проговорил тоскливо:

– Чихать я хотел на твою галактику соплями.

Помолчал, потом негромко сообщил:

– У меня на Земле семья.

«Чего-то он скис, – подумал Иосиф. – Ну, семья и семья, очень хорошо. Привет семье». Он сказал:

– Чего вы тогда так переживаете за терранских поселенцев? Езжайте себе к семье.

– Так у меня и на Терране тоже семья, – отвернувшись, сообщил Быстрицкий.

Гражданин галактики долго молчал, переваривая это сообщение, потом отважился спросить:

– Тогда почему вы не даёте мне сообщить про амальгадилла? Если не терранской администрации, так хотя бы безопасникам. Ну, этим, службе безопасности пересадочных станций. Хотите, чтобы амальгадиллы добрались до вашей семьи на Терране?

Быстрицкий молча думал: «Он прав. Нельзя это так оставить. И сообщать нельзя. Но ведь не было меня на Терране! Я вёз вонючих полипов с эпсилон Эридана в... туда же. Стукнуть безопасникам – это же придётся выложить им всё за наши гешефты. Бозоидов сдать вместе с их червоточинами. Ну, с этих всегда взятки гладки, отбрешутся, а вот на рифе Надежды придётся поставить крест. Риф последней надежды, говорил Ной, и где теперь Ной? Там же, где будет надежда. „Чёрное море“ отберут, я загремлю по новой на шахту. Нет, это не выход».

– Что, выбираете между двумя семьями? – спросил Циммерман, откровенно следя за выражением лица капитана грузовика. – Не надо. Я всё возьму на себя.

– Что ты там возьмёшь? – с горечью осведомился Быстрицкий. Чисто риторически, ответа не ждал.

– Высадите меня на пересадочной станции... Где, говорите, вы сгрузили полипов?

– Там, – Быстрицкий ткнул в экран. – Эпсилон Эридана.

– Вот там и высадите. Скажете, подобрали меня на берегу. Вместе с креслом и парашютом.

Быстрицкий разглядывал Циммермана, не понимая.

Спросил:

– И что ты будешь делать на пересадочной станции?

Ёся ослабился и произнёс с видимым удовольствием:

– Буду делать себе имидж. Кредиты тоже не помешают. Вы не переживайте, Эдик. Тут пахнет кредитами. Иосиф Циммерман никогда не бегал от прибылей. Я сам придумаю, что сказать безопасникам.

Быстрицкий посмотрел Иосифу прямо в глаза. Произнёс с расстановкой

– Смотри. Сбрешешь что не надо, не обижайся. Сбрешешь не то, пеняй на себя. Я тебя найду, и... Лучше, Ёся, тебе встретиться со щукоголовой веганской ящерицей. Ты меня понял? Или...

– Да успокойтесь, Эдик. Всё сделаю в лучшем виде. Свои же люди.

Через три с лишним часа грузовик «Чёрное море» пристыковался к пересадочной станции эпсилон Эридана. Через четыре часа кибернетический дознаватель этой станции, активированный по аварийному запросу, уже снимал показания с Иосифа Циммермана, без определённых занятий, туриста, гражданина Земли-Солнечной, подобранного на песчаном тропическом побережье шестой планеты эпсилон Эридана капитаном грузовика местного сообщения. Показания эти оказались сенсационными, кибердоз счёл нужным разослать по системе пересадочных станций закрытое циркулярное письмо. Каким образом сообщение с гри-

фом «для служебного пользования» стало достоянием общественности, доподлинно неизвестно, однако через полтора земных часа после рассылки грянул скандал галактического масштаба, и в систему эпсилон Эридана валом повалили корреспонденты трансгалактических информационных агентств – сапиенсы самой разной телесной и душевной организации. «Иосиф Циммерман таки сделает себе имидж», – думал Эдик Быстрицкий, просматривая новости в комнате релаксации гуманоидов пересадочной станции альфы Малого Пса. Грузовик, как и обычно, бросил у портала местного сообщения эпсилон Эридана, чтобы сгонять на Землю. Обычно после рейса оставались деньги на туда и обратно, но в этот раз вышло даже лучше. Десять раз можно слетать на Землю и вернуться оттуда первым классом. «Ёся хоть и шибздик, а свой человек и слов не кидает на ветер. Поделится, отстегнул с гонорара. Как сказал, так и сделал, в лучшем виде, – Быстрицкий не выдержал, хохотнул и покрутил головой, читая новости. – Вот брехло, а! Ну, брехло... Хороший парень, надо будет затащить его в Ассоциацию».

Хорошему парню Иосифу Циммерману в это время было не до смеха, его осаждали корреспонденты разной телесной и душевной организации, желая из первых рук получить описание поединка с веганским амальгадиллом и разобраться с загадочным внепространственным перемещением отставшего от группы туриста.

Восьмой сноп

Полумрак. Оранжевые полосы света на потолке – веером. Тускнеют и загораются снова, лениво переползают с места на место – складывается и раскрывается веер. Свет из окна, шевелятся шторы. Какая-то комната. Спальня? Что-то пошвистывает, как будто ветер в оконной щели. Это и есть ветер. Там, за окном спальни. Я спал, теперь проснулся. Пошевелился, что-то скрипнуло. Как мягко, тепло. Спокойно. Как хорошо – не знать где ты, зачем, почему. Не спрашивать себя, как долго ещё можно будет, ни о чём не думая, просто лежать.

Полосы света на потолке перемещались в медленном ритме – справа налево и обратно. Каждый раз, когда крайняя полоса заползала в угол, что-то негромко поскрипывало внизу. Кровать? Качает меня с боку на бок, укачивает вместе с кроватью, вместе с комнатой вместе с... Это не комната, а каюта. Как я здесь оказался? Был удар, потом меня захлестнула волна. Схлынула. Я цеплялся за трубы. От удара рёбра болели и голова. И колено. Опять я этим коленом! А сейчас боли нет. Шевельнуться? Успею. Боли не хочу, пусть будет покой. Я в каюте «Ковчега», свет в окне – значит, надводная палуба. Бакборт, если судить по тому, как лежат на потолке полосы света. Каюта второго класса, маленькая. Кто-то притащил меня. Зачем? Спускаться, таща меня... А, понятно. Там

лестница, а сюда можно лифтом. Или там разрушено всё? Был удар...

Он вспомнил: дымный клубок скручивается штопором, падает под ударом чёрного хвоста мачта, сверкающая безглазая морда, пасть.. Не хочу, решил он, не надо. Это был сон. И ещё один сон – мне снилось: Эй áтран, эй алвэнир келеáнес – тóбе враз, тóбе... Гэнзу келейр! Зóбзе!.. Бред. Я бредил. Но почему я понимаю этот бред? Мне снились кошмары. Я болен. Долго ли я... Целую вечность. Что со мной? Попробовать...

Он пошевелил головой, попробовал приподняться. Голова побаливала и шея, ныли рёбра, болело колено. Ной, хромоногий чёрт, вспомнил он. Со стоном уронил голову на подушку: прихлынула память. Я не Ной, всё это глупости, телесная память. Просто до обидного узкий ментальный столбик, игольное ушко, бутылочное горлышко, зис лигон. Вот эти вот слова: «зис лигон» – из прошлого воплощения, извне. Память подсовывает. Правильно делает, ведь это áкмал нэреир – головоногая память. Там нужно искать задание. Зачем я здесь? Вспоминать не хочется. Как хорошо, как приятно, когда спокойно. Лежать в тепле прислушиваться, поглядывать...

Вверх по ближней стене, перебирая коленчатыми тонкими ножками, бежал паучок. Маленький безвредный мухолов, хрупкое создание. Протянуть руку, смахнуть его – даже не заметишь, куда делся. А для него – катастрофа. Налетело

огромное, придавило, сбросило... Удар! Я Жнец, вспомнил он. Всё это не кошмарные сны – убийства. Что мне глупый паук, если я тысячи тысяч раз давил, рассеивал, лишал связности, хаотизировал... Хаотизация это занятно. Кислoneзависимый бестельник интересная жертва, не то что этот...

Он глянул на паучка, протянул руку, чтобы смахнуть со стены... «Не то что этот келеан...» К горлу подступило. Тошно. Он вспомнил задание. Отдёрнул руку. Паучок беспрепятственно карабкался по стене. Вверх, вверх...

Медленно сдавливать келе... человека щупальцами, душить его, а затем перекусить пополам. Это несложно, если ты головоногий, а человек сунулся по неосторожности в воду. Несложно и скучно, если ты Жнец. А если ты сам и есть тот самый человек, которого ты должен...

Но я не хочу умирать, возмутился Ной, ты не умрёшь, успокоил Жнец, если я справлюсь с заданием, условие будет выполнено, ты навечно останешься у меня в памяти, потому что я условно бессмертен. Я не боюсь смерти, подумал он, я... Стало душно, сердце пропустило удар, потом заколотилось как после быстрого бега. На лбу испарина, дрожат руки... Жнец вскинулся. Опасность? Он огляделся. Слабое тело, волновые способности на единицу. Хуже не бывает. Откуда опасность? Страх. Беспричинный страх? Я боюсь смерти? Тело во всём виновато. Совпал ментальный спектр, лезут эмоции. Как неудобно! Почему совпал спектр? Не может быть, чтоб моё исходное тело... Надо успокоиться. Спокой-

но. Тебе ничего не грозит. Прислушайся, здесь никого нет, тихо.

Он прислушался. Посвистывал за окном каюты ветер, чуть слышно шуршали шторы, сквозь стену доносилось слабое гудение... Что это? Лифт? Кто-то спускается. Собраться. Если я когда-то был в таком теле, должен помнить, что делать. Встать? Спрятаться негде. Что делать, когда войдёт? Кто кроме меня... Ной вспомнил: «Тут был ещё один человек. Циммерман. Он и приволок меня сюда, больше никому». Он расслабился, подышал, отёр со лба пот, прислушался. Шаги в коридоре, близко. «Это не Циммерман, – понял Ной. – Тот не шаркал».

Жнец вздёрнул тело, заставил его сесть. Голова кружилась. Мозг медленный. Но надо вспомнить. Как убить человека. Дверь открывается. Вот он, на пороге. Всматривается, голова седая. Старик. Он слабее. Это хорошо. Он скалит зубы. Что это значит?.. Угроза?.. Ударить вот сюда, только сразу, не дать...

– Очнулся, сынок? – с улыбкой спросил старик. – Не вставай, не надо. Тебе бы отлежаться пару дней, но я не знаю...

«Сынок? Что это значит?» Мозг работал слишком медленно, сначала всплыло головоногое слово: «клáни». Сынок. «Он не может быть мне отцом», – решил Жнец. «Я тебе не чёрт, ты мне не батька», – подумал Ной.

– ...я не знаю, есть ли у нас эта пара дней, – сказал старик. Это не угроза, он улыбается. Не собирается нападать, на-

оборот. Тон участливый.

– Ложись, сынок. Ничего, что я тебя так называю? Я думал найти здесь сына, но... Не судьба на этот раз. Никого тут больше нету.

«Как это никого? А куда Циммерман делся? Что вообще произошло? Почему волна, удар? Откуда взялся этот?»

– Кто ты такой? – спросил Ной.

– Рыбак. Спиرو меня зовут. Спиридон Антониадис.

– Рыбак? «Антониадис? Ксения говорила...»

При мысли о Ксении Ной испытал какое-то странное чувство, похожее на... Досаду? Жалость? Ксения. Женское имя. Самка. Какое мне до неё дело? Это потом. Что она про старика говорила? Говорила, тронутый. Бывший каторжанин. Ищет повсюду Счастливчика Боба. Думает, что тот ему сын. Клáни. Всё сходится, тронутый старик – Спиро Антониадис. Как он здесь оказался?»

– Как ты сюда попал? – спросил Ной, укладываясь на спину. Припомнил: старика Спиро бояться нечего. О нём не только Ксения, все трепались, кому не лень. Шляется по побережью, путается с браконьерами и контрабандистами, но не для наживы – ищет своего... «Ираклий, так зовут его сына. Нет, такого не помню. В Ассоциации у меня точно не было никакого Ираклия, разве что поменял имя. Надо будет глянуть в каторжных списках». Память Ноя оживала, выстраивались цепочки воспоминаний. Не нужно спешить и бояться не нужно. Мозг слабый – ментальная сфера помо-

жет. Переварит понемногу.

– Как попал? – Спиро присел на край кровати, сложил на коленях руки. Загорелые жиловатые, вены вспухли. Старческие. Узловатые пальцы.

– Как попал? – повторил Спиро с усмешкой. – Запрыгнул. Сам не знаю как. Внесло меня в ахтеркамеру, там подхватило...

– Я не об этом, – с досадой перебил Жнец. Лезли эмоции Ноя: нетерпение, досада, почему-то жалость. Кого жалеть? Старика этого? Что за глупость? Не выглядит жалким. Спрашивал я не о том.

– Я спрашиваю, как ты вообще оказался рядом с «Ковчегом»?

– Поймал твой SOS. Надеялся, это Ираклий. Мне туристы сказали, что видели на рифе Надежды обломки «Бродяги».

«Точно, тронутый, – подумал Жнец. Чувствовал себя увереннее, казалось, личностью Ноя овладел полностью. – Только тронутый может полезть на рога Альраи. Обломки на рифах? Ну, валяются какие-то обломки. Там сейчас...»

– Там сейчас глубина метров десять, – пробормотал Жнец, глядя в потолок. – Чепуха получается. Не подавал я никакого сигнала. Не успел. Был на палубе когда... Слушай, Спиро, что там, на верхней палубе?

– Это я тебя хотел спросить... Как тебя?

«Как меня что? А, он спрашивает имя. Роберт. Для него я Роберт Корк».

– Роберт Корк, – представился Жнец, всё так же глядя в потолок. Шевелить головой не хотелось, так было удобнее думать. В глазах не темнело, не кружилась голова. Хилое тело, но пусть хоть такое.

– Корк, значит... – задумчиво проговорил Спиро. – Рассказывали мне про тебя... всякое. Ладно. Так вот, Роберт Корк, тебя я и хотел спросить: что здесь у тебя происходит? Почему повалена мачта, почему снесена надстройка и кто дал SOS, если не ты?

Кровать скрипнула, Спиро поднялся – подошёл к окну.

– Был тут кроме меня ещё один тип, – сказал Жнец. – Турист, отставший от группы. Звали его... «Болтаю. Ни к чему пока ему знать, как звали Циммермана».

– Не помню, как его звали, – морщась, солгал Жнец. – Что случилось, тоже не помню. Ты хорошо смотрел?.. Он был в баре на верхней палубе. Мог выскочить. Радиорубка цела?

– Не помнишь, значит, – со странной усмешкой переспросил Спиро. Жнецу почудилась угроза. Он поднялся на кровати, оперся на локоть.

Спиро стоял возле окна, скрестивши руки, кивал головой, говорил вполголоса:

– То-то мне говорили. Отстал турист – поминай как звали. Потом его куда? На каторгу? Если строптивый – за борт?

В случае чего, свалить его пара пустяков, подумал Жнец. Ударить вот сюда... Его затошнило. От мыслей или от повреждений, полученных телом – не разобрал. Не до того было.

– За борт! – передразнил Роберт, стараясь не переиграть. – Что ты несёшь?! Сам себя послушай. Говорили тебе обо мне всякое, и ты всякому веришь. Я спросил тебя: цела радиорубка?

– Откуда я знаю, где у тебя радио? – огрызнулся Антониадис. – На верхней палубе? Бар там я нашёл.

– Рядом с баром. Дверь за углом.

– А, я понял. Там тоже смотрел, дверь нараспашку. Там никого нет.

«Ну, дверь – это я и сам мог оставить. Растяпа. Где же Циммерман? Чего Спиро на меня взелся? То – Сыночек! Сыночек! – а теперь волком смотрит. Наговорили ему всякого».

– Мне нужно самому глянуть, – сказал Жнец, садясь на кровати. «Мутит, но не смертельно. И рёбра сносно. Доберусь как-нибудь наверх, не рассыплюсь».

– Полежать бы тебе ещё, – спохватился старик. Кинулся помогать, ментально позабыв, какие страшные вещи рассказывали про этого человека браконьеры.

– Обойдусь, – отрезал Жнец, отталкивая старикову руку. – Надо понять, что случилось с... тем типом.

Попытка установить над Антониадисом ментальный контроль провалилась. Волновые способности тела не на единицу даже. Нулевые. И постоянно мешали эмоции. Жнец вздохнул, сделал попытку встать. Старик всё-таки подхватил под руку, не дал свалиться. Эмоции, думал Жнец. Ну

вот как сейчас: что это? Как разобраться в такой мешанине? Раздражение и в тоже время благодарность. Нет, телом я овладел не в полной мере. Надо собраться. Использовать надо то, что есть. К чёрту волновые способности. Что это значит – к чёрту? Эмоции, одни эмоции. Странно. Приятная мешанина. Эмоциональный коктейль. Не разбираться хочется, а пропускать через себя. Не задумываться, а... Но надо думать. Пока он ведёт меня в радиорубку, решить, что делать дальше. Что я знаю? Кто-то подал SOS; возможно, это был Циммерман. Он свидетель. Понял ли он, что увидел? Далее. Спиридон Антониадис тоже свидетель. Понял ли он, чему стал свидетелем? Кажется, нет. Надо ли убрать обоих? «Убивать, а не убирать», – подсказала память Ноя.

– Что, хуже стало, сынок? – спросил Спиро. – Постоим? Давай вот здесь, у стенки.

Жнец выцедил: «Всё в порядке». Двинулись дальше. Жнецу сильно мешало больное колено. Хорошенькое дело, думал он, убийца чувствует отвращение при одной только мысли. Про убийство. Как с таким телом работать? Убийцей Ной не был, что бы про него ни болтали. Людей не убивал. А не людей? Это возможность. Прежде чем убивать людей, убеди себя, что это не люди. Это не из памяти Ноя, это было раньше. Мысль эту надо оставить поближе, чтоб была... под рукой. Ной вполне может убить головоногого, головоногий вполне может убить Ноя. И даже удовольствие получит. Это пригодится после того, как разберусь со свидетелями, пото-

му что надо будет выполнить задание. Занятно: убить себя, чтобы сохранить бессмертие. Такого со мной ещё не случилось. И не просто занятно, а в высшей степени. Для истинного ценителя. Возненавидеть себя самого и с большим удовольствием наложить на себя ру... Стоп. Не руки надо наложить. Щупальца. А потом я ещё должен перекусить себя пополам. Где возьму щупальца? Разделить себя на две части – это надо обдумать. Нет так просто, но занятно и даже очень. Что это? Жнец отшатнулся, оттолкнул старика, изготовившись...

– Что? Что случилось? – удивился Спиро.

Лифт. Это обыкновенный лифт, а не западня, понял Жнец. Всё-таки очень слабый мозг, не получается быть одновременно Ноем, Жнецом и этим... головоногим. И ещё кем-то, кто был раньше.

– Ничего. Дальше я сам попробую, – буркнул Жнец. Ступил в лифт. Действительно, ходить стало легче. Если бы не проклятое колено...

– Сам так сам, – Спиро вздохнул.

Лезет с опекой, понял Жнец. Нашёл во мне замену пропавшему сыну. Эмоции к чёрту, потом помешают, если всё-таки надо будет его убрать.

Они вышли из лифта.

– Там ветер, – напомнил Спиро.

– Ничего, мне полезно проветриться.

– Я пойду первым, если что – говори сразу. Вернёмся

– Иди.

Ветер. Мешает дышать, норовит свалить с ног. Здорóво! Что это, подумал Жнец, восторг? Сильное чувство. Если пропустить через себя. Если б можно было плюнуть на задание и пропускать через себя все чувства... Ною нравилось море. Нравился ветер, несущий водяную пыль. Может, поэтому я торчал в этом плавучем гробу? Может, поэтому и строю риф, вместо того чтобы вернуться в Оклахому? Там тоже бывает ветер, но не бывает такого неба и пыль там сухая. Я хочу здесь. Море. Нэри. Головоногое слово. Есть во мне что-то головоногое, особенно когда ползаю вот так вот, цепляясь за леера, морду подставляю ветру, чтобы глотать водяную пыль, чтобы... Стоп! Что такое?

– Ты куда?! – проорал, отвернувшись от ветра, Спино, когда увидел – Роберт выпустил леер, пал на четвереньки и пополз к борту, точно краб.

– Надо!.. Пос!.. Мотреть!.. – давась ветром, ответил Роберт.

Аварийные ранцы в катапультах рядком. Одного не хватает. Раньше все были на месте. Осмотреть катапульту. Ага, отработала штатно. Вот я и выяснил, куда делся один свидетель. Мир его праху. Кел замзаурх. Жнец пополз обратно. Снова схватился за леер, поднялся.

– Что там?! – спросил Спино.

– Потом!

Жнец махнул рукой: «Двигай дальше». Пошёл следом,

размышляя: «Циммерман сбежал, в точности по инструкции сел в кресло, пристегнулся и дёрнул чеку. Тоже самоубийство. В сезон спасатели подобрали бы, а сейчас его SOS... Ага, вот и ответ на вопрос, кто сигналил. Автоматика аварийного ранца. В радиорубке делать нечего».

– Стой! – крикнул Жнец.

– Что?!

До двери считанные метры остались. Жнец хотел сказать старику, чтоб поворачивал, в рубке делать нечего, но в ту же секунду понял – нет. В рубку нужно. Представил себе, как ветер несёт аварийный парашют, как он опускается в море, как озверевший от ненависти какой-нибудь головоногий пускается в погоню за человечком в кресле-поплавке... Он его, конечно, догнал. Циммермана можно было списать со счёта, но не это главное. «Главное – я знаю, что делать с заданием», – подумал Жнец и махнул рукой, дал знак Спи-ро: «Заходи в рубку».

Девятый сноп

В радиорубке «Ковчега» не только радиостанция имеется.

Здесь у меня всё, думал Ной, здесь сонары и пульта пу-галок. Здесь я могу слышать то, чего не могу видеть. Всё в целости, работают мои пушечки – любо-дорого. Пока они шумят, я не всё могу слышать, возразил Жнец. Отключай. Как же – отключай, полезут на риф опять силикофаги, встре-пенулся Ной. А ты ненадолго, предложил Жнец.

– Что ты хотел здесь найти? – озираясь, спросил Спирос.

– Помолчи. Потом объясню. Сядь-ка. Да не сюда, вон в то кресло. Надо послушать.

Антониадис ворча уселся к радиостанции, спросил: «А мне можно послушать?» – не получил ответа, пожал плечами. Посидел, глядя, как Ной щёлкает тумблерами како-го-то пульта и как устраивается в операторском кресле, затем ещё раз пожал плечами и – никто ведь не запрещает! – украд-кой стянул с пульта гарнитуру и напялил её задом наперёд. «Пусть, – рассеянно думал Жнец, – Ничего он там сейчас особенного не услышит. Разве что болтовню бездельников из береговой охраны. Пускай развлекается, не до него. От-ключить пушки. Так. Врубить сонары. Сначала пассивный. Что с микрофонами? Порядок. Юго-восточную группу. Ной кое-что понимал в сонарах, но в самих звуках – ни в зуб но-гой. Что за странная идиома: ни в зуб ногой? Так. Микрофо-

ны готовы. Всё лишнее к чёрту, только головоногая память. Зáурх нерейрси. Жаль, петь я не смогу, глотка человеческая на такое не способна, но хотя бы – он вслушался, закрыв глаза, – назл. Слышать».

Он не смог сразу увидеть картину звуков, всё ему мешало: скрип наушников, металлический тембр, попытки Жнеца дополнить недостающее домыслом, и главная помеха – неудобное тело Ноя: тупоумное, тугоухое. «Акиле, – услышал он, – Апа Акиле!» Узнал голос, подумал: клáni. И тут же оказался там, на пригорке, у самой кромки воды, рядом с сыном. Леи клани Акилс звал: апа! Я тут, подумал Акиле клáni Нумс. Хотел сказать: «Эй зут!» – я здесь, ты разве не видишь, но вспомнил: «Я умер». Цатмелх акнац эа. Цатмелх взял меня. Теперь поздно думать, достаточно ли праведным был мой гнев, имел ли я право поднять серп и по праву ли возомнил себя жрецом. Мёртвый не может быть жрецом, жрец теперь ты, клани. «Бедный мальчик, – подумал Акиле, – он узнал, что я мёртв, зовёт без надежды. Он слышал мою предсмертную песню, теперь будет мстить. Он призовет Жнеца снова».

Разве не этого ты хотел, напомнил Жнец, головоногий подключится к пересадочной станции, чтобы вызвать Жнеца, но Жнец не придёт, он занят. Жнец сейчас я. Тогда головоногий глупец в религиозном экстазе захочет отдаться главе Триады, своему Апа-Айсис. И вызовет Учредителя.

«Ахн – ужаснулся Акиле, – нет! Не надо, клани! Живи!» Чепуха, подумал Жнец, давая головоногую память. Одним

больше, одним меньше. Мне нужно поговорить с Учредителем, другого способа я не вижу. Дождаться надо, пока мальчишка затаит свою а́лкацр айсэ зўлеивена молитву, затем спуститься к воде. Учредитель, вселившись в его тело, найдёт меня легко, он читает мою память и видит всё, что со мною было, кроме последней реализации. Ной ему недосягаем. Да это и не нужно, в головноюг памяти есть всё для того, чтобы найти Ноя. Но как к воде спуститься? Прыгнуть – верная гибель. Умирать не хочу. Можно было бы...

– Сынок! – услышал Жнец. – Что с тобой?

«За плечо трясут, – понял Ной. – Какого чёрта? А, это старик. Совсем забыл». Он открыл глаза и потащил с головы наушники.

– Ты так кричал! – Спиро перепугался не на шутку, в глаза заглядывал. – С тобой всё в порядке?

– Всё хорошо, – ответил Жнец. Слова выговаривал старательно.

– Да я вижу, как тебе хорошо, двух слов связать не можешь. Бредишь, кричишь странное.

«Надо отослать его под любым предлогом, – подумал Жнец. – Или нет, он мне нужен, у него яхта. Вот самый простой способ спуститься к воде и остаться целым. Яхта мне и после пригодится».

– Всё в порядке, Спиро, – сказал он и, чтобы отвлечь старика, спросил, указывая на радиостанцию:

– Что передают хорошего?

– Ничего хорошего. – Спиро вернулся в кресло. – Переговариваются охраннички. Бездельники толстозадые, какой только ерунды не выдумают со скуки. Один другому: завелась-де в океане по слухам новая гадина амаг... амад... крокодил какой-то, которому патрульный корабль на один зуб. А тот не верит. А этот ему: почитай, что в последнем циркуляре. А тот, первый, говорит: это в каком циркуляре, где чрезвычайка и посмертная награда Роберту Корку? А этот ему: в том самом, только ты, дурья твоя башка, кроме наград ничего не видишь. Читай между строк. Написано: всем службам задействовать на всех объектах систему «свой-чужой» во избежание случайного попадания. Улавливаешь? На кого патрульные охотятся?

«Я знаю, на кого они охотятся, – сообразил Ной, – на Быстрицкого. Засекли грузовичок, пустили в дело перехватчики. Или нет. Не сходится. Не было бы по такому случаю циркуляра, просто прихлопнули бы его, как муху, если бы отказался сдаться».

– Погоди-ка, – сказал Спиро. – Так ведь Роберт Корк... Как так, посмертно?

«Вот именно, – подумал Ной. – С чего это администрация решила списать меня в расход?» «Узнали, что я напал на «Ковчег, – подсказал Жнец. – Значит, Быстрицкий сдался, иначе откуда бы пронюхали безопасники?»

– Как, ты говорил, охранник назвал новую гадину? – спросил Жнец у Антониадиса.

– А-мга-дил, – с запинкой выговорил старик.

– Амальгадилл?

– Да, как-то так. Откуда ты знаешь? Это что, правда?

– Враньё. Послушай, Спиро, нам с тобой надо убираться отсюда как можно скорее. Началась охота, как бы в нас не пальнули.

– Патрульные? С чего они станут палить по «Ковчегу»?

– Кто их разберёт, – соврал Жнец. – Что-то не нравится мне, что они меня заочно похоронили.

– А! Вот почему тебя посмертно... Суки!

Старик вскочил.

«Зря я так. Не натворил бы он чего-нибудь со страху. Отчалит ещё без меня, а мне бы сначала послушать головоногую молитву».

– Спиро! Не суетись, не поднимай волну, – сказал Ной. – Слушай меня. Готовь яхту к отплытию, но без меня не открывай затворы. Жди.

– Как я их открою? Как открываются, я без понятия.

Спиро нервничает. Успокоить, решил Жнец.

– Слушай меня, – сказал он, выговаривая слова твёрдо. – Всё нормально, торопиться некуда. Спускайся в ахтеркамеру, готовь яхту, а когда приготовишь, тогда вот что: есть у тебя там жратва какая-нибудь?

– Что?

– Жрать очень хочется, – доверительно сообщил Ной. – Так есть или нет?

– Есть кое-что. Мерлуз я наловил, можно поджарить. Есть картошка, есть...

– Давай, жарь. Картошку и всё что есть поесть. А я тут закончу кое-какие дела и спущусь. Ты понял?

– Понял!

– Действуй, отец, – сказал Ной. Отцом назвал, чтобы подбодрить старца. Ишь, как он кинулся на полусогнутых. Папаша.

Жнец снова надел наушники. Теперь погружение в звуковую картину прошло без проблем, мозг Ноя быстро освоился, похвальная гибкость. На шумы можно не обращать внимания. Скрипит корпус «Ковчега», канат якорный шелестит в клюзе, гудит двигатель – пустое. «Хорошо я микрофоны поставил, Если закрыть глаза, кажется – там я, на дне. Канат, двигатель, корпус – далеко вверху за спиной. А здесь обычные утренние шумы, плески. Слышно, как подходит косяк мотыльков. Есть хочется. Скорей бы разделаться с заданием. А что будет после? Небытие. Опять задание. И снова небытие. До бесконечности».

– Эй атран! – услышал он. Сердце пропустило удар. Клáni. Это неизбежно. Сын за отца. В помёте каждого сезона, среди тысячи детей, только один, ну от силы два атранир. Этот лучший.

– Алкацр, Айсэ, зүлеивена! Айс амáлпан кацр, – пел Леи клáni Акилс, лучший из сыновей, преемник. Лучшему суждено погибнуть.

Жнец сорвал наушники, не мог слушать. Эмоции, опять эмоции. Игла в сердце. Всё, пора, ждать больше нечего. Он встал. Колебался – надо ли врубить пугалки? Включил. Пусть работают, нечего головногим на рифе делать. Тоже эмоции? Если разобраться, всё правильно. Пугалки обязательно надо включить. Пусть зудят Учредителю в мозг, когда тот влезет в головоногое тело и отправится вдогонку за яхтой. Жнец криво улыбнулся, хромя к двери. Начальство недолюбливал, особенно Учредителя. До сих пор неприязнь была чисто умозрительной, но теперь, когда к умозаключениям прибавились эмоции, он получил удовольствие от мысли, что начальнику придётся помучиться в теле моллюска.

Вода, облизывая корпус «Электры», гулко шлёпала в стенку дока. Не будь гудящего эха, можно было бы представить, что яхту, отшвартовавшуюся на ночь у какого-нибудь причала Адриатики, покачивает ровная, невысокая волна. Можно вообразить, что где-то тут, рядом с мостками, спрятался прибрежный ресторанчик, с минуты на минуту зажгутся его огни, к йодному духу добавится запах жареной рыбы, и полетит над шорохом прибоя, запрыгает плоским камешком фортепианная нота. Иллюзия. В реальности ничего этого нет. У свода ахтеркамеры столько же общего со средиземноморским небом, как у яичницы-глазуньи с полной луной,

и пахнет в доке обычно гадостно.

Спускаясь по крутой стальной лесенке, Ной заметил, что запаха стоялой воды почти нет. Проветрилась камера, когда открывались створы. Вода в корыте теперь свежая, но ненадолго. «Какое мне до этого дело? Пусть хоть моча вместо воды, Ною тут больше не жить. И вообще нигде ему больше не жить. О деле нужно. К материку яхта пойдёт с приливом, старик сэкономит на топливе. Надо будет намекнуть ему, чтоб не торопился. Дать головному больше времени. Интересно, когда тебя перекусывают пополам, это очень мучительно? Чёрт, в колене стреляет при каждом шаге».

– Спиро! – крикнул на ходу Ной, чтобы отогнать мысли о смерти.

Не стоялой водой пахло в доке, а водорослями и...

– Спиро, где ты там?! – заорал Ной, остановившись у брошенной на мостки сходни.

Пахло жареной рыбой. Ною казалось, слышит шипение жира на сковородке. Иллюзия, конечно.

– Пень глухой, – проворчал Ной. Пришлось на борт подняться.

Сходня узкая, скользкая. Вот ещё тебе хромоногую радость. Люк, лестница. Всё маленькое, неудобное. Повернуться негде. Куда он делся? А, вот он. Старикова спина торчала из коридорной ниши. Там шипел и скворчал жир, щелкал по дереву нож. И пахло же оттуда!

– Спиро, чтоб тебя! – завопил Ной, сглотнув слюну. Есть

очень хотелось.

– А?! – старик попятился, вылез из ниши. Голова платком обвязана, нож в руке, вид пиратский.

Ной не выдержал, пригнувшись, втиснулся вместо старика в камбуз. Крохотный, на шкаф похож. Так и есть, жарится рыба. Мотыльки, подумал Акиле. И в миске картошка – соломкой, добавил Ной. Жнец прикрикнул: ну хватит! К делу.

– Яхта готова? – спросил Ной, вылезши обратно в коридор.

– Да. Вот ещё сейчас картошечку поставлю.

– После, сначала отчалим.

– А как же...

– Говорю, после. Запускай двигатель, сходню не убирай, это я сам. По сигналу – самый полный назад. Ты понял?

– Сейчас, сынок. Я тут... – старик снова нырнул в камбуз.

– Давай же, время не ждёт! За борт готовку!

– Ну почему же обязательно за борт? – рассудительно прогудел Спино, не вылезая из шкафа. – Сейчас я выключу печку, всё закреплю здесь. Рыба уже готова, картошку можно и после. Зачем за бортом жареная картошка? А нам с тобой она очень в жилу. Сам же говорил, есть хочется. Сейчас.

– Ну?! – выкрикнул Ной.

– Всё, теперь можно, – сказал Антониадис. Руки вытирал полотенцем, ножа у него уже не было.

Ной сорвался с места, на лестнице оступился, чуть не загремел обратно. Тише, успокоил Жнец, побереги себя для

казни. Осторожно, здесь скользко. Успеешь, Учредителю сюда ещё добраться нужно. Далеко ли? Полторы тысячи щупалец, подсказала головоногая память. Вот, подумал Жнец, как раз отойдём от «Ковчега» подальше. Лучше, если бы успели обогнуть риф. А ещё лучше – в океане. Чтобы не застряли на скалах трупы. Концы в воду. Что за дурацкие идиомы, откуда они берутся? Откуда-то из прошлых жизней. Вытаскивает из моей памяти жиденский ментальный столбик что попало. К пульту. Жнец, заглянув в окошечко пульта, проверил, в каком положении чёрные шелкушки – тумблеры, нажал обрезиненную клавишу, кинулся к яхте. Теперь быстро, надо поднять сходню, пока не разошлись под днищем лапы. Мельком глянул – где Спиро? – ага, на кокпите. Не поскользнуться! Так, теперь сходню. Всё? Ветер. Затворы открылись. Палуба дрогнула.

– Давай, Спиро! – что было сил заорал Ной. – Назад! Самый полный!

Стоял на коленях, вцепившись в кормовой рейлинг, но всё равно чуть не свалился на бок. «Электру» подхватило хлынувшей в док водой, вынесло кормой вперёд, развернуло, потащило в кильватере, как подхваченный ручьём мятый комок бумаги. Цепляясь за холодную никелированную трубу, Ной увидел над водяным холмом огненное колесо с отрезанным боком – серп Альраи.

Десятый сноп

– Я называю эту рыбу мерлузой, – говорил Спиро. – Ты видел когда-нибудь настоящую мерлузу, Боб?

«Да, – подумал, разделявая рыбку тушку, Жнец. – Почему он назвал меня Бобом? А, понятно. Я же для него Роберт. Роберт Корк. Роберт, Боб и ещё как-то».

– Нет, – лениво соврал он. – Никогда.

На кокпите тесновато вдвоём, но старик не захотел бросать управление. Водомёты в режиме стабилизации хода, яхту несёт течением на север, напрямиком туда, куда надо, и всё-таки. Мало ли что: порыв ветра – такое бывает, заглохнет двигатель – случается и такое, внезапное нападение – говорят, в океане такое бывает тоже. Но завтракать одному скучно, говорил Спиро, давай сюда, вместе с тарелкой. Я бы пропустил по одной, говорил старик, ты как, не против, сынок? Редко получается покалякать с кем-нибудь за завтраком, жаловался Спиро, разве что с рыбами. Это ничего, что время обеденное, давай будем считать, сейчас у нас с тобой утро. Я люблю выходить в море утром, до света, и возвращаться, пока солнце низко. Ничего, что рогатая пакость не похожа на солнце, давай будем считать, что это солнце. Старику надо было выговориться, и Жнец решил ему не мешать. Пускай болтает, может, выболтает что-нибудь полезное. Всё равно он считай что мертвец, как и я. Только в отличие от ме-

ня бессмертие ему не светит. Спиро болтал с видимым удовольствием, тарелку держал на коленях, к Роберту Корку обращался доверительно, то и дело называл сынком, а теперь вот – Бобом. «Сублимация, – думал Жнец. – Отыщи он сына, точно так же предложил бы ему позавтракать на кокпите и пропустить по одной за болтовнёй после завтрака. Это приятно. Странно, удивительно, но факт. Мне приятно слушать его болтовню».

– Так ты никогда не видел настоящую мерлузу? – поддевая на вилку ломтик картофеля, спрашивал Спиро. – Тогда я не смогу тебе объяснить. Если тебе никогда не приходилось её видеть. Понимаешь, сынок, она не то чтобы похожа, но что-то общее есть. По правде говоря, не слишком-то она на неё смахивает, и повадки совсем не те, особенно когда идёт косяком от берега, а когда тащишь её из воды, так и во-все ничего общего. Но всё-таки что-то в ней есть. Я люблю её жареной, потому что мерлузу лучше всего есть в жареном виде, только что пойманную. Вообще-то, даже настоящую мерлузу деликатесом не назовёшь, и я никогда не слышал, чтоб её кто-то считал деликатесом, но всё-таки мне она нравится, если поджарить её свежую в масле. Поэтому я называю эту рыбу мерлузой, хоть ничуть не похожа. Ну как, сынок, нравится?

– Да, – сказал Жнец, нисколько не покривив душой. Старик знал толк в готовке, поджарил как надо, до золотистой корочки. Белое мясо легко отделялось от костей, и было оно

сладкое.

– Ты с картошкой, так ещё вкуснее.

Жнец послушал совета и не пожалел. Старик, точно, знал толк в готовке. Очень вкусно получилось, лук в самый раз обжарен. Соли чуть больше, чем нужно, но это ничего. Соли Ной почти не употреблял, но рыбе белое мясо было сладковатым на вкус и жареный картофель тоже, так что пусть.

– Не стесняйся, картошки много, да и рыба имеется, могу ещё поджарить, если ты побудешь за рулевого. Поджарить?

– Не надо пока, давай лучше выпьем, – предложил Жнец. Как-то само вырвалось. Бедняга Ной был не дурак выпить.

– Давай. Бутылка в шкафчике, мне не достать. От тебя по правую руку. Кружка там же. Себе наливай.

– А ты?

– Нальёшь, передай бутылку. Я как-нибудь так, всё равно кружка одна. Что ты его нюхаешь? Нюхай не нюхай, лучше оно не станет. Я называю его бренди. Всегда беру сюда бутылочку, выпить иногда бывает не лишним, вот как сегодня.

– Можно было в баре «Ковчег» взять бренди.

– Как-то я не подумал. И потом, денег у меня при себе нету. Ничего, меня устраивает и это пойло. Главное – не что пить, а за что, так ведь, сынок? За что выпьем? За встречу? За твоё спасение?

– За надежду, – предложил Жнец. Подвернулась эта надежда случайно. Только после того как сорвалось с языка слово, он понял, почему память Ноя подсунула именно его.

Глупо. На что бессмертному надеяться?

– Это ты хорошо сказал. И риф так называется, и надежда – дело хорошее. За надежду.

Жнец выцедил то, что было в стаканчике, подышал. Зубы свело, язык будто деревянный. Он с закрытыми глазами подождал, пока разлилось по животу тепло и кровь мягко толкнулась в темя. Открыл глаза. Свет Альраи, казалось, стал мягче. Утренний свет. Море, запах водорослей. Надежда?

– Знаешь, почему я так назвал риф? – спросил Жнец. – Так звали одну женщину. Я был с ней знаком раньше.

Слова из памяти Ноя лились свободно, Жнец решил этому не мешать. Покойнику от покойника скрывать нечего.

– Ты закусил бы, – посоветовал Спиро. – Надежда? Не слышал, что есть такое женское имя – Надежда.

– Его и нет, такого имени. На самом деле оно звучит так, – и Жнец произнёс по-русски: «Надежда».

– Красивое имя. Ты говоришь, «был знаком». Она... жива?

– Не знаю, наверное. С чего бы ей умирать? Давай-ка ещё по одной.

– Давай, – охотно согласился Спиро. Не глядя передал бутылку, после, выждав сколько нужно, протянул руку. Заполучив бренди обратно, сказал:

– А моя умерла. Давно. Её звали Электрой. За надежду – это хороший тост. Хорошая штука – надежда. И «Надидежда» красивое имя. Ты извини, Боб, думал я про тебя плохо.

Наслушался всякой дряни, что про тебя болтали, а теперь вижу – зря. Хороший ты человек, Боб. Я немножко разбираюсь в людях, уж поверь, как-нибудь, а разбираюсь. Сразу вижу, если человек так себе, с гнильцой. Плохой человек никогда не назовёт риф женским именем, если не знает, что с той женщиной стало. Надежда – прекрасная штука, сынок, и тост ты предложил хороший. Нельзя терять надежду. Вот я, например, знаю, что найду сына. Он жив, я знаю, что бы ни врали всякие...

– Давай выпьем за сыновей, – перебил Жнец. Почему-то решил, что старик станет спрашивать про Счастливого Боба. Говорить об этом не хотелось. Покойнику с покойником незачем болтать о покойниках. Счастливчик Боб теперь легенда, кто попало так себя называет. Это очень удобно для контрабандистов и браконьеров – когда вдоль побережья шагаются три десятка счастливых. Поди разбери тогда, кто в чём на самом деле замешан. «Подумать, так я тоже счастливчик, и даже больше прочих, потому что зовут меня Роберт, – подумал Жнец. – Роберт Кок. Роберт, Боб и как-то ещё».

– Давай, – сказал Спиро. – За сыновей.

Голос его заметно дрогнул.

Жнец неторопливо, мелкими глотками выпил. Потянул носом воздух, заметил – жарко. Старик стёкла боковые опускать запретил, сказал – не люблю, когда сквозит в уши. А неплохо было бы. Только не уши, а ветру лицо подставить.

Он ладонью провёл по обриту наголо затылку. Колется. Плевать. На всё теперь наплевать, недолго осталось. Три десятка лысых счастливчиков, один к одному. Может, и вправду какой-то блудный паршивец приходится старику сыном.

– ...в это не верю, – твердил Спиро, глядя поверх руля, над водной гладью, туда, где сквозь облачную жёлтую плёнку проглядывала тонкая чёрта берега, словно бы над водою парила. – Ираклию всегда везло. Не зря же здесь его называли Счастливчиком.

– Это точно, – подтвердил Жнец. Ответил так, потому что уж кто-кто, а Ной точно знал, за что того типа прозвали Счастливчиком. Ни до, ни после никому не удавалось увидеть жёлтый гейзер и вернуться. Счастливчик, ничего не скажешь. Видел он на самом деле жёлтый гейзер или нет, Ной знать не мог – парень был без сознания, бредил. Помер через трое суток от лучевой болезни, труп Ной сбросил за борт – подальше, с балластом. Денег от продажи жёлтой пемзы, которой была набита потрёпанная штормом калоша Счастливчика, хватило на то, чтобы начать возню с рифом, но и только, остальное – гешефты Быстрицкого и ещё одного красавца из каторжного начальства. Тот влез в авантюру, желая дорваться до жёлтого гейзера и всерьёз к нему присосаться. Ной не разубеждал. Пусть начальство думает, что жёлтый гейзер существует, под это дело можно потихоньку строить риф. Но теперь-то он точно знал: гейзер – не сказки. Верс арзис, подсказала головоногая память. Проклятое место. Ес-

ли добраться до него, на всё хватит. Поднять кораллитовый риф. В чаше долины, в обнажившихся донных отложениях насадить сады. Ил плодороден. Там у нас будет пресноводное озеро, а по берегу – рощи.

– Пальмовые рощи, – говорил Жнец, не замечая, что мечтает вслух; личности Ноя дал полную свободу, это было невыразимо приятно. – Ветер их потреплет, конечно, будет гнуть как луки, но в тёмное время или при свете Боза их листья...

– Вот, значит, зачем ты сиднем сидишь на «Ковчеге». – Спиرو кивал с пониманием. – Хорошее дело. Только не верится мне, что вертухай дадут вам свободно распоряжаться. Узнают – сразу наложат лапу.

Не наложат, их территория очерчена чётко, по береговой линии, думал Жнец. Будь «Ковчег» моим, я давно послал бы каторжное начальство куда подальше, но поплавок, к сожалению, их собственность. Такая вот незадача.

Вслух он сказал:

– Не наложат. Вот скажи, Спиро, можешь ли ты послать каторжное начальство в задницу, когда ты здесь, на своей посудине?

Старик отхлебнул из бутылки, рукавом вытёр губы и сказал:

– Мне-то что. Я-то где угодно могу послать их в задницу. Потому этого не делаю никогда, что боюсь за Ираклия. Веришь ли, сынок, так иногда и подмывает послать, но я сдер-

живаюсь. Потому что ищу сына и найду его, и тогда мне ссора с вертухаями будет ни к чему, могут на Землю не выпустить. И тебе с ними незачем ссориться, они, суки, умные. Если даже я понимаю, как взять тебя за жабры вместе с твоим рифом, они тоже додумаются. И только они додумаются, тут же схватят, уж поверь. Я этих подонков хорошо знаю. Мрази хуже головоногих.

– Ну и как же они меня схватят? – Жнец от болтовни получал истинное удовольствие.

– Без связи с Землёй, без жратвы, без машин, без энергии тебе конец, сынок. Связь у них, транспорт у них, челноки до пересадочной станции у них. Перехватчики тоже. Закон на их стороне, и поэтому я говорю...

Чепуха, подумал Жнец. Затея Ноя – полная чушь, и совсем не из-за каторжного начальства. Все эти гуманоиды – туристы, каторжане, свободные поселенцы, вертухай... – короче, все они понятия не имеют, как обстоят дела на самом деле. Они думают, Закон на стороне начальства. Начальство тоже так считает. Что думаю я? А вот что: закон на стороне Учредителя, ибо он сам и есть Закон. Я всего лишь исполнитель закона, поэтому безразлично, что я думаю. Скоро нас догонит головоногий, я переговорю с Учредителем, и он отправит гензу келеир в ад третьим классом. Обоих.

– Не хочу, – проворчал Ной.

– Чего не хочешь? Уже всё выпили, – сообщил Спиро и в доказательство перевернул бутылку кверху дном. Делая

это, другой рукой зацепил руль. «Электра» вильнула.

– Э! Тише, Спиро. Кажется, тебе пора сдать вахту. Давай смену, а то как бы ты не пальнул водомётами в зенит.

Долго уговаривать старика не пришлось. Устал, поел до-сыта, изрядно нагружился своим бренди – разморило его. Уступил место, невнятно ворча: «не подходи сам... близко к берегу... течение... разбуди... если что...». Не слез с кокпита, а свалился, оступившись дважды, потоптался в коридоре, повозился в каюте, стуча чем-то и с грохотом роняя жестянки, потом затих.

Жнец выждал минут пять, заглянул в каюту, проверил – Спиро спал. Пристегнулся к узкой койке и натащил на голову одеяло.

Жнец вернулся на кокпит, открыл боковые стёкла и устроился поудобнее. Теперь он был наедине с Нэри; мог ещё раз спокойно обдумать положение и приготовиться к очередной встрече с небытием.

Одиннадцатый сноп

«Электра» вела себя как живое существо: пошевеливала плавниками рулей, иногда поплёвывала водомётами, балансировала на гребнях волн с непринуждённостью и грацией цирковой канатоходицы. Течением её несло к берегу, но казалось – она пытается удержаться в некой особой точке пространства и это ей удаётся.

Жнец подставлял ветру занемевшие от выпивки щёки, жмурился – слишком ярко, устанут глаза – и чудилась ему в правом окне птица, висящая, как и яхта, в особой точке пространства. Пару раз он, повернув голову, проверял – там ничего нет! – и всё-таки вынырнувшая из памяти птица появлялась снова, стоило только ему отвернуться и сощурить глаза. Пусть будет, решил он, в конце концов, кому может помешать... «Чайка» – услужливо подсказала память Ноя. Жнец отмахнулся от надоедалы. Неважно, как она называется, всё равно их нет на Терране. В какой-то реализации я был птицей. Да не в какой-то одной реализации, а в целой куче жизней я был птицей, возможно даже чайкой. Тогда собственное тело не казалось мне красивым или совершенным, оно было частью задачи, граничным условием, чем-то даже мешало. Я злился на то тело, как сейчас злюсь на это: щёки занемели, мысли еле-еле шевелятся, болит колено, поясница болит и, чёрт возьми, тоскливо – хоть волком вой.

Чем-то вроде волка я был тоже, сколько раз. Кем я только не был. Ерунда это – быть волком. Когда я был чем-то вроде волка, быть мне не хотелось и не было так тоскливо. А как было? Никак. Хотелось поинтереснее выполнить задание. Занятно было решить очередную задачу и в очередной раз плюнуть на граничные условия. Красивое тело – некрасивое тело... С чего вдруг комок мяса, костей и перьев кажется мне красивым? Крылья острые, когда птица вот так вот висит в упругом воздушном потоке. Красота, совершенство. Иллюзия. Нет на Терране чаек и вообще никаких птиц нет. А даже если бы и были. Комок мяса, костей и перьев. Это хромоногое тело ничем не лучше и не хуже, такое же, только без перьев. Откуда тогда тоска? Тоже граничное условие – эмоция. Плюнуть бы на неё, но не могу. Не хочу. Умирать я не хочу, вот в чём дело. Сходить с ума от боли, когда будут ломать кости, задыхаться, когда станут душить, мечтать, чтобы скорее раскроило на части, полоснуло по сердцу... Зачем? Столько раз умирать ради бессмертия! Как хорошо, что ментальный столбик хилый, и я не могу припомнить всё сразу. Тысячи тысяч агоний. К чему мне они? Закон. Как же я ненавижу начальство! Я ненавижу Учредителя, с удивлением отметил Жнец, вот новость. Никогда не приходило в голову выяснять с ним отношения. Вот он явится, всезнающая непогрешимая сволочь: бесстрастный и беспристрастный, равнодушный к боли и к состраданиям свидетель всех моих агоний, – и я опять растворюсь в нём, как сахар

в кипятке, как соль на камнях во время прилива. Потому что он всё обо мне знает, а я о нём знаю не всё.

– Стоп, – сказал Ной. – Как раз сейчас есть кое-что, чего он обо мне не знает.

Всё, что случилось со мной в шкуре Ноя, начальничку неизвестно, злорадствовал Жнец, эта часть ментальной сферы ему недоступна. Последняя реализация. Моя маленькая личная жизнь, риф, островок в океане. Куда же я тороплюсь? Надо жить! Ему нестерпимо захотелось врубить водомёты «Электры» на полную мощность, дать полный ход, самый полный. Глупое желание, всё равно головоногий вдвое быстрее. Глупо, но хоть как-то. Всяко лучше, чем ждать смерти, изображая канатного плясуна.

Он не тронул рукоять, оставил в положении стабилизации хода.

Ной цепляется за жизнь, думал Жнец, а что у него есть в жизни? Три года проторчал в гостинице, мечтая о рифе Надежды, и даже не подозревал о том, почему ничего у него не выйдет. Не знал того, что знаю я. Тащил за собой слепцов и глупцов, не подозревая, что сам глуп и слеп. Пёр напролом, ничего и никого вокруг не замечая. Так она и сказала. Ксения. Причём здесь Ксения, почему я про неё вспомнил? Женщина как женщина, обыкновенная самка. Не хочешь о себе – обо мне подумай, она сказала. И я подумал, была бы здесь не ты, а Надя, другое дело. Ей не сказал, как такое скажешь. Но как-то она поняла. Говорит: тогда боль-

ше ко мне ни ногой. Пусть лучше у мальчика не будет отца, чем... У мальчика? Ну да, сказал Ной. Удивлён? У меня сын. То есть, теперь нет у меня сына, раз я туда ни ногой. Зато у Спино есть внук. Она так и сказала: лучше пусть ему Спиридон Антониадис будет дедом, чем ты, Счастливчик, отцом. Так и назвала меня – Счастливчик, хоть знала прекрасно, что я не выношу, когда меня так называют. Из-за того парня. Пора забыть, давно его уже съели рыбы, а вот не забывается почему-то. Может, это и был Иракий Антониадис. Лучше такой счастливчик, как он, чем такой глупец, как ты, Ной.

Яхту едва заметно тряхнуло, Жнец машинально схватился за руль, мельком подумавши: чепуха, волной ударило в корпус, чтоб рулевой не ловил чаек. Чайка, отрешённо подумал он, точка пространства, к которой привязан я. Не пространства-времени, а ментального пространства. Метка. Он прислушался: водомёты воют всё время, пытаюсь выровнять ход. Это не волной в корпус ударило, это... По спине холод, как будто ползают щупальца. Жнец дёрнулся, и тут же сообразил – поздно. Руками не пошевелить, льётся на пол вода, шибает в нос рыбьей вонью, на шее скользкое, мерзкое щупальце. Ну, вот ты и явился, начальник, сообразил он, а я прощёлкал клювом, думал о птичках. Кой чёрт – чайка! Слепая память Ноя совала мне вместо метки подходящий образ и подсунула. Как я не догадался? Слепец. Теперь не вырваться, этот головоногий прицепился сначала к днищу, просунул в окно щупальца – и всё. Готово. Перевернёт лодку? Спино

ничего не успеет сделать, захлебнётся во сне. Он и понять-то ничего не успеет, пьян в стельку. Может, так лучше. Ни отца, ни деда.

От мысли этой стало тошно. Душно, рыба вонь. Он что, так меня и задушит? По условиям задачи требуется медленно увеличивать давление, а потом лишить возможности дышать. Ну нет, подумал Ной. А поговорить?

Он упёрся ногами в пол, напрягся, собрал силы...

Слева в голове тёплый шарик. Занат атранир, подсказала головоногая память. Зрение посвящённых, тупо повторил Ной. Учредитель присосался к месту прикрепления ментального столба, сообразил Жнец, тоже поговорить хочет.

– Ты хочешь, не я, – услышал он. Голос бесцветный, как шум ветра в сухих листьях.

«Опять эмоции, – обозлился Жнец. – Надо думать. Нельзя пускать его внутрь, это моя память, моя жизнь». Он попробовал выгнать начальника прочь, но сил хватало только на то, чтобы шарик не заполнил собою весь мозг. Должно быть, тело Ноя сопротивлялось, потому что стало больно.

– Не понимаю тебя, – сказал Учредитель. – Ты хочешь говорить или нет?

– Только говорить. Внутрь не лезь, – ответил Жнец.

– Почему? Всё равно я всё узнаю, когда у меня будет память этого гуманоида. Раньше или позже – какая разница?

– Значит, есть разница, раз я не хочу. Это моя жизнь.

– По закону ты должен выполнить задание и предоставить

память в полном объёме, иначе твоя личность будет уволена, а память станет собственностью администрации Системы Пересадочных Станций.

– Вся, кроме последней реализации.

– Вся, с последней реализацией включительно. В закон внесена поправка в части касающейся твоей последней реализации.

– На каком основании?! – возмутился Жнец.

– Параграф двести сорок девять дробь семь, пункт омега.

– Информация, угрожающая безопасности системы?! Что за чушь?!

– Без эмоций. Да, такая информация содержится у тебя в памяти гуманоида. Поэтому прекрати сопротивляться, это бесполезно. Дай мне выполнить задание согласно закону, и ты останешься бессмертным.

– А если я не захочу?

– Тогда я получу его память после твоей смерти, возьму на работу нового Жнеца, а тебя уволю.

«Ему очень нужна память Ноя, – понял Жнец. – Он торопится, чего-то боится. Учредитель напуган?! Значит, дело серьёзное. После смерти Ноя всё равно ведь получит память, чего ему бояться? А, я понял. Время поджигает, информация нужна срочно. Ну нет, начальничек, ничего я тебе не дам. А вытащить силком почему-то не хватает у тебя мбчи. Почему?» Жнец пытался вспомнить. Из ментальной сферы пришёл ответ: хулз-эк-хулз, лицом к лицу. Ему

не хватает сил, потому что он со мной не хулз-эк-хулз. Прилип к днищу, тупой моллюск. Жнец тут же пожалел, что подумал об этом. А может, Учредитель сам догадался, что надо делать, и потащил тело Ноя наружу. Жнец цеплялся за руль, за поручень, за что попало. Яхту, бросило набок, чуть не перевернуло, ударило бортом, она выровнялась.

– Ничего у тебя не выйдет, начальник, – злорадствовал Жнец. – Окошки тут узкие.

«Он залезет на корпус. Всё равно до меня доберётся», – жадно глотая воздух, подумал он. Нажим щупалец ослаб, но не настолько, чтоб вырваться. Попало головному из водомёта под мантию? Хорошо бы, подумал Жнец, но сразу же понял – нет. Радоваться нечему. Грязно-бурое щупальце толщиной с мачту шарахнуло в лобовое стекло. Трещины, трещины! «Электра» зарылась носом, потом осела. «Он лезет верхом на корпус, хочет лицом к лицу. Надо позвать...» Жнец не смог крикнуть, в рот сунулась слизкая гнусь. Щупальце? Всё-таки он меня задушит, отвлечённо подумал Жнец. Глотку свело спазмом, он сжал челюсти. Что-то хрустнуло в зубах, брызнуло, потекло... «Кто ещё кого перекусит», – задыхаясь, думал Жнец. Пелена перед глазами, звон в ушах. И вдруг: «Данг!» – что-то ударило «Да-да-данг!» «Да-данг!». Как сквозь вату Жнец услышал стекольный дребезг, крик, но слов не разобрал. Заметил: руки свободны. Желудок свело спазмом. Жнец увидел зелёные потёки на белом корпусе «Электры», и его стало выворачивать

наизнанку рвотой. Он выbleвал остатки откушенного щупальца, рыбью кровь, но остановиться не мог. Неудержимая рвота. Он кашлял, отплёвывался, пытался понять, что произошло. Немного погодя увидел, что лежит животом на борту, выставившись из окна кокпита по пояс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.